Незабытые чувства

Автор:
Слава Доронина

Незабытые чувства

Слава Доронина

Сделка с совестью #2

– Ян, что такое? – подает голос Ника. – Почему мы остановились?

В груди сжимается до ломоты, когда я вижу красивое лицо и копну черных волос. Словно контуженный, перевожу глаза на вывеску здания, в котором скрывается девушка из моего прошлого. Мне бы уехать, притвориться, что не заметил, но вместо этого показываю Нике на дверь. Беру ее за руку и веду к салону красоты.

– Мне не нужны услуги стилиста, тем более в подобном сомнительном месте, – насмешливо произносит она.

– А ты сделай вид, что нужны.

От одной мысли, что сейчас увижу Алёну и посмотрю в ее глаза, по спине сбегает горячая волна. Знакомое ноющее чувство в груди – словно заноза в сердце. Никуда не исчезло. Как, оказывается, и желание обладать.

Эти же герои несколько лет назад в книге: «СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ».

Слава Доронина

Незабытые чувства

1 глава

– Ян, что такое? – подает голос Ника. – Почему мы остановились?

В груди сжимается до ломоты, когда я вижу красивое лицо и копну черных волос. Словно контуженный, перевожу глаза на вывеску здания, в котором скрывается девушка из моего прошлого. Мне бы уехать, притвориться, что не заметил, но вместо этого показываю Нике на дверь. Беру ее за руку и веду к салону красоты.

– Мне не нужны услуги стилиста, тем более в подобном сомнительном месте, – насмешливо произносит она.

– А ты сделай вид, что нужны.

От одной мысли, что сейчас увижу Алёну и посмотрю в ее глаза, по спине сбегает горячая волна. Знакомое ноющее чувство в груди – словно заноза в сердце. Никуда не исчезло. Как, оказывается, и желание обладать.

– Алён, спасибо, что приехала. Для меня это очень важно, – говорит Нелли и показывает глазами на кресло рядом с собой.

Набирает Ефимовой и договаривается с ней, чтобы та выделила лучших визажистов для меня и Вики.

– Всегда к вашим услугам, – улыбаюсь в ответ и сажусь на указанное место.

– Так, я договорилась с Ниной. Сейчас поедете, наведете с Викой красоту, затем отфоткаемся, и мы с тобой завалимся к Ленару в ресторан. У них сегодня фуршет: у начальника вчера свадьба была. Немного развеемся и поболтаем, а то с этой гонкой даже толком пообщаться не успеваем.

– Хорошо, мой генерал. – Я едва сдерживаюсь от смеха.

И все-таки смеюсь, когда Нелли театрально закатывает глаза.

– Как, кстати, Ласка и Гарри поживают? – спрашивает она.

– Настя долго ныла, что опять всё пропускает, потому что маленького сопливого чудика не на кого больше оставить, кроме как на нее. Но они не скучают.

Я достаю телефон из сумки, открываю галерею и показываю Нелли фото, где Андрюша, раздетый до трусов, сидит за столом и рисует красками. Перед ним чистый лист бумаги, но зато тело и руки вымазаны черной гуашью, и лицо при этом такое довольное, что невозможно не улыбнуться. Настоящий чертенок.

– Боже, – в голос смеется Нолик, увидев фотку. – Точно, семья гениев. Ласка поет, Гарри рисует, ты ставишь танцы на льду. Нужно и себе придумать какое-нибудь увлечение, чтобы вам соответствовать.

– Ты же вроде в дизайнеры подалась? – уточняю я, вопросительно приподняв брови.

Нелли демонстративно фыркает.

– Ленар меня сдал? Ничего от вас не утаишь. – Она возвращает мне телефон и просит переслать эту фотку.

Получив снимок, Нелли снова посмеивается, глядя на нашего маленького Гарри, а потом кому-то звонит. Я пересаживаюсь в кресло поближе к окну, чтобы не проморгать появление Вики, которая вот-вот должна подъехать за мной на такси.

– А знаешь, кто сегодня будет в ресторане? – игриво начинает Нолик, завершив очередной разговор по работе.

– Догадываюсь, – улыбаюсь я в ответ.

– Генрих каждый раз о тебе спрашивает, когда я появляюсь у Ленара в офисе. Пленила заморского принца, сердцеедка. Но я даже не удивлена. Внешние данные у тебя просто бомба. Покупательницы часто спрашивают, где я откопала такой алмаз. И это не про платья. А Рамзина всё пытается выведать у меня твои контакты, чтобы предложить для ее сайта отснять материал. Хочешь?

Меня передергивает от слов «принц» и «сердцеедка», но никак этого не показываю.

– Вообще-то я в другой сфере работаю. К тебе вот едва-едва выбираюсь. Сплю по четыре часа в сутки. Куда мне еще подработка?

Кручу в руках какую-то милую безделушку, похожую на заколку или бутоньерку, но, увидев на той конский ценник, кладу обратно на журнальный столик.

– Ну согласись, что Нейман завидный жених. К тому же близкий друг Ленара и серьезный мужчина, – перечисляет Нелли. – Несерьезных, если что, в окружении моего мужа не водится…

– Да не распинайся ты так. На прошлой неделе Генрих приезжал в Москву с сестрой и племянницей, на обследование. Мы ходили с ним на свидание, а весь следующий день провели вместе с детьми, гуляя в парке.

– Ого! Какая прекрасная новость, – расцветает Нелли. – Вы с ним здорово смотритесь, правда. Ты жгучая брюнетка, он – зеленоглазый блондин… Кстати, в ресторане сегодня кого только не будет. Весь бомонд собирается. Предполагаю, дочка Иващенко не упустит шанса продемонстрировать свои прелести. – Нолик выпячивает грудь, намекая, что у Анжелики все прекрасно с объемами и есть чем удивить. – Она давно засматривается на Генриха, клинья подбивает. А я не хочу, чтобы он достался этой выскочке! Ему нужна нормальная женщина.

– Нормальная, да? – Цокаю языком. – Это точно не ко мне. – Я поднимаюсь на ноги, заметив в окно Вику, которая выходит из такси. – Ладно, Нолик, мы в салон. Скоро вернемся. Смотри ухо не сожги, бизнес-леди, – киваю на телефон, который она держит в руке.

Нелли ехидно ухмыляется в ответ и корчит смешную рожицу.

– Тогда уж лучше пусть от красоты вашей ослепну. Всё. Жду.

Она посылает мне воздушный поцелуй, снова отвечая на чей-то звонок.

Настроение отличное. Обожаю такие спокойные и безмятежные дни. Еще и на улице солнышко припекает – ни одной тучки на небе. Погода в этот раз явно благоволит к тому, чтобы устроить день релакса и прогуляться по любимым местам.

Я здороваюсь с Викой, и мы, перекинувшись парой фраз, загружаемся на заднее сиденье синего седана, в котором приятно пахнет клубничной жвачкой.

– Ну как тебе новая коллекция? Правда улет? – восхищается Вика. – Обожаю примерять свадебные платья. Кажется, это мое призвание.

– Да, платья очень красивые, – соглашаюсь я.

– А ты надолго или опять набегом? У нас в выходные вечеринка намечается. Может, примкнешь? – предлагает она.

– Нет, не получится. – Растягиваю губы в улыбке. – Я набегом. Едва вырвалась с работы, пришлось брать отпуск за свой счет.

Мы с Викой на подхвате у Нелли, когда в ее салон поступает новая коллекция свадебных платьев. Перед стартом продаж я выкраиваю пару-тройку дней и прилетаю в Питер, чтобы отснять материал для буклетов и сайта в интернете, а потом возвращаюсь в Москву.

– Мне всегда после этих фотосессий замуж хочется. Было бы еще за кого, – вдруг признается Вика.

– Знаешь, как мне тренер говорит? Выйти замуж не напасть, лишь бы с мужем не пропасть.

– Ну в чем-то она, безусловно, права.

Вика скептически поджимает губы, и мы ненадолго углубляемся в рассуждения о плюсах и минусах семейной жизни. Договариваемся на том, что до старости можно смело ходить в незамужних дамах. Если, конечно, не встретится крышесносная любовь, как у Нелли и Ленара, которые действительно относятся друг к другу с большой теплотой и нежностью. Тогда и пропасть не страшно.

Дискуссию прерывает таксист, сообщая, что мы приехали. Он одаривает нас щедрыми комплиментами, заверяя, что таких хорошеньких кто-нибудь обязательно окольцует и в старости мы не умрем от одиночества.

Мы выходим на улицу с улыбками на лицах и направляемся к салону. Я ненадолго остаюсь у входа, принимая звонок от Димки и сильно злясь на брата, что стал редко отсвечивать. Но выяснять отношения сейчас нет времени. Обещаю набрать его через час, если ничего срочного, и тоже захожу в здание.

Вика уже сидит в кресле у одного из визажистов, а меня, постукивая наманикюренными пальчиками по столу, ждет блондинка небольшого роста. Новенькая. Раньше я ее здесь не видела. Девушка представляется Наташей, долго рассматривает мое лицо задумчивым и любопытным взглядом, а затем берет в руки палетку с тенями.

Мягкая кисть начинает порхать, колдует над веками, очерчивает линию скул, щекочет кожу. Обожаю, когда мне наводят красоту. Но сегодня не получается расслабиться. Может, это из-за болтовни новой посетительницы, которая пришла несколько минут назад и без конца делает замечания своему мастеру. Или из-за Димкиного звонка и нашей недавней ссоры. Не знаю. Чувствую себя не в своей тарелке. Как будто не кисточкой водят по лицу, а горящей спичкой.

Наташа замечает мое напряжение, нанося последние штрихи.

– Я почти всё. Можно потом сфотографирую тебя для своего портфолио? – спрашивает она, продолжая работу. – Я иногда размещаю снимки в интернете, а у тебя очень яркая, запоминающаяся внешность. Хочу тебя в свою коллекцию.

– В коллекцию? – отзываюсь я с улыбкой. – Можно.

Скованность не проходит, потому что ощущение огня на коже не становится меньше, а наоборот, только возрастает.

Оглядываюсь по сторонам и, увидев призрака из прошлого, машинально тянусь, чтобы потереть глаза. Наташа, заметив этот жест, останавливает меня и просит не трогать лицо.

Часто-часто моргая, смотрю на Яниса, который сидит на диване рядом со стойкой администратора и сканирует меня пристальным взглядом. Его челюсти плотно сжаты. Ровные темные брови, слегка нахмурившись, сдвигаются к переносице, когда мы с Яном встречаемся глазами. В моих, наверное, замешательство и растерянность, в его – буря и ад. У меня пропадает дар речи и пересыхает во рту. Пламя охватывает сердце, и оно пропускает удар, когда понимаю, что это не глюк – передо мной действительно сидит Багдасаров.

– Всё в порядке, Алёна? – Наташа трогает меня за плечо, когда долго не отзываюсь. Слух перекрыт звоном, как после контузии.

Я запрещала себе думать о Янисе с тех самых пор, как наши пути разошлись. Но отрывочные воспоминания, словно ядовитые змеи, все равно приползали и больно жалили в сердце. Не спрашивая на то разрешения. Казалось, я их всех победила, но сейчас они как будто воскресли и по новой вонзают в меня острые зубы, заполняя тоской, которая стремительно разносится по венам.

Вцепляюсь пальцами в край юбки, когда Наташа снова зовет:

– Алёна?

– Да, всё в порядке, – автоматически киваю в ответ, не узнавая свой севший голос.

Наташа делает несколько снимков на телефон с разных ракурсов, а Ян продолжает на меня смотреть, откинувшись на спинку дивана и широко расставив ноги.

От того, что я вижу в глубине темных глаз, хочется превратиться в мелкую точку и попросить Яниса отвернуться, исчезнуть, сделать вид, что не заметил меня, потому что… не хочу ничего ворошить.

– Я готова. – Роскошная блондинка, которая донимала мастера своими придирками, подходит к Багдасарову, трогая маленькими ладошками упругую укладку. – Вроде симпатично. Да?

Янис наконец отмирает и поднимается на ноги.

– Идем, – говорит он своей девушке приказным тоном, даже не взглянув на нее.

Я сжимаю веки до звездочек под ними, когда Багдасаров со спутницей покидают салон, и чувствую, как становится легче дышать, оттого что меня больше не прожигают темным взглядом.

Сделав над собой усилие, встаю и подхожу к окну, наблюдая за красивой парой, которая садится в машину, припаркованную у тротуара. Ян на секунду поднимает голову, беря в руки телефон. Мы снова встречаемся глазами, а потом Багдасаров садится в белый седан. Они отъезжают от салона, а я ощущаю себя так, словно опять иду ко дну.

2 глава

Три часа съемок, томного выражения лица на камеру, а перед глазами постоянно стоит другое: человек из прошлого. Как яркая, ослепляющая вспышка. Я думала, что забыла, смирилась и успокоилась, но когда увидела Яна – сердце екнуло и воображение разыгралось… Вспомнилась наша последняя встреча и все последующие события… В сложных ситуациях не бывает простых решений. Вот и мое оказалось нелегким.

– Ты такая задумчивая, – говорит Нелли, заехав за мной после съемки. – Всё нормально?

Я падаю на сиденье ее машины как подкошенная.

– Угу. – Встряхиваю головой, стараясь переключиться, отогнать назойливые мысли и «вспышки». – Вот думаю… если ты и за рулем не отнимаешь телефон от уха, то я, наверное, лучше до ресторана на такси доеду. Ок? – выдаю жалкое

подобие шутки.

Нелли опять закатывает глаза и корчит смешную рожицу, а я широко улыбаюсь.

– Хоть бы Анжелика вот с таким декольте пришла! – парирует Нолик, показывая руками на себе. – И глаз не сводила с Неймана! Посмотрю тогда на твое «хорошее» настроение.

– Неймана, да? Кажется, ты недавно говорила, что она на Ленара засматривалась и пыталась к нему клеиться? – подначиваю я подругу.

Обожаю, когда Нолик злится. Такая смешная в эти моменты.

– Черт, да! – шумно вздыхает она и сразу же становится серьезнее. – Клеилась! Ее папа же непосредственный начальник Ленара. Мой муж и его команда у Иващенко на хорошем счету. Естественно, без промывки мозгов не обошлось: мол, смотри, Анжела, какие мужчины у меня в компании работают! Вот Анжела теперь и кружит над ними как орел. Сколько бы раз я ни заезжала в офис к мужу, эта вертихвостка постоянно там ошивается. И ладно Нейман, он свободный мужчина, но Ленар ведь женат! Ничего святого у этой грудастой! – практически на одном дыхании произносит Нелли длинную и пламенную речь.

– Ревнуешь, да?

– Еще как! – признается подруга. – У меня, – опускает она глаза на грудь, – не так все впечатляюще на фоне Анжелы. И папа не питерский магнат.

– Ты какая-то взвинченная в последнее время. И слишком эмоциональная, – замечаю я. – Всё в порядке?

– В полном. Но давай лучше о чем-нибудь приятном поговорим. Ты, кстати, почему не надела то платье, которое моя помощница принесла?

– У меня свое очень даже ничего. – Я глажу себя по талии. – И его химчистка будет стоить копейки. А если твое заляпаю едой или шампанским, то обойдется недешево. Подобные траты сейчас не входят в мои планы.

– Зря. Я же от души, Алён. И химчистку, если что, сама бы оплатила.

Припарковав машину на Невском, Нелли опять кому-то звонит. К счастью, на этот раз Ленару, который выходит нас встретить. Вместе с Нейманом. Генрих выглядит потрясающе. Черная приталенная рубашка, серые брюки. Красивый, высокий. Породистый. Мы с ним смотримся очень гармонично.

Месяц назад на одном из вечеров, который я посещала в качестве спутницы Генриха, нас сфотографировали, и недавно эти снимки попались мне на глаза… Анжелика, конечно, тоже будет прекрасно смотреться с Нейманом. С внешними данными у дочки Иващенко полный порядок. Но женская красота – это ведь не только соблазнительные изгибы тела и милое личико. Это еще и энергетика, которая у Анжелики очень слабая. И вообще, ее поведение слишком вульгарное и отталкивающее. Однако блондинки часто пользуются спросом у представителей сильного пола, даже имея не очень приятный характер. Тут уж каждый вправе выбрать то, что ему больше подходит. Судя по выбору Яниса, он больше не смотрит в сторону черноволосых ведьм.

– Привет, Алёна! – Генрих подставляет мне свой локоть и улыбается чарующей улыбкой. – Рад, что ты прилетела.

От приятного тембра и голоса, от того, как Нейман смотрит, в груди разливается уверенность и тепло.

– Потрясающе выглядишь, – одаривает он комплиментом, не давая вставить слово. – Как поживает твой маленький волшебник?

Это Генрих про Андрюшу. В год тот неудачно упал на детской площадке и разбил себе лоб. Шрам в виде зигзага теперь навсегда останется нашим общим воспоминанием об этом недоразумении. Абсолютно у всех, кто его видит, сразу же возникают ассоциации с известным книжным волшебником. Но, по-моему, Андрей вовсе не волшебник, а бедокур.

Ему скоро три, а уже весь в отметинах. Едва мы с ним успели выписаться из больницы после того падения и рассеченного лба, как на следующий день Гарри обварил руку в кипятке. Еще через несколько месяцев вывихнул ногу и заработал новый шрам, почти как у меня: на правом бедре. Нервных клеток я убила порядочно за эти три года, но, похоже, все самое интересное нас ждет

впереди. Если меня раньше не хватит инфаркт.

– Всё хорошо, Генрих. Спасибо. Когда Андрей чуть подрастет, отдам его в дзюдо или бокс, может, теннис, чтобы выплескивал куда-то свою неуемную энергию и не травмировал себя в поисках опасных приключений.

– Спорт? – прищуривается Найман.

– В профессиональный я его, естественно, не отдам, но интерес к любительскому приветствуется. Как твоя племянница? Когда следующий визит в клинику?

– Через недельку снова прилетим к вам в гости. Скорее всего, уже на операцию. Стефи говорит, что мечтает смотреть на мир без очков и снова пообщаться с твоим волшебным мальчиком. Он ей понравился, – с ноткой тепла произносит Нейман и кладет свою руку на мою, поглаживает пальцами.

Рядом с Генрихом я чувствую себя очень спокойно. А то, что он близкий друг Ленара, действительно прибавляет Найману очков.

Какое-то время после рождения Андрея мне было не до мужчин и их внимания: слишком много забот разом легло на мои хрупкие плечи. Но сейчас я, кажется, окончательно пришла в себя после всех событий в жизни и готова ответить Генриху взаимностью.

– Ты не обольщайся, – шепчет Нелли, приблизившись ко мне. – Они такие галантные ненадолго. Через полчаса оставят нас одних и пойдут в свой мужской клуб. Но зато мы вдоволь наболтаемся без лишних ушей. У меня для тебя есть очень приятная новость…

– Обожаю тебя сдавать, – вмешивается в наш разговор Ленар и целует Нелли в висок. Смотрит на меня с улыбкой: – Докладываю, Алёна: Андрей скоро станет не единственным любимчиком в нашей дружной компании.

– Ну Ленар! – взвивается Нелли. – Почему все важные новости девочкам ты сообщаешь, а не я? Больше ничего не буду тебе рассказывать.

– Совсем? – смеется Камаев.

– Да! Когда схватки начнутся и рожать поеду, от девчонок узнаешь. Я тебе слова не скажу! – недовольно пыхтит Нелли и наигранно дует губы.

Смысл слов Ленара до меня доходит не сразу, но реакция Нолика бесподобна. Отчасти понимаю, почему Камаев это делает. Мы с Настей тоже любим вызывать у Нелли эмоции. На актерский ей нужно было поступать, а не в дизайнеры идти. У нас в таком случае точно был бы семейный подряд: певица, художник, хореограф и актриса.

– Боже… Какая прекрасная новость! Я поздравляю вас.

Опускаю глаза на живот подруги. Пока еще плоский. Ну почти.

Может, Нелли от стресса немного прибавила в весе? Я не придала этому значения. Вот эта да! Завтра же утром позвоню Ласке и «натравлю» ее на будущую мать, чтобы закидала ту снимками Андрюши с самого его рождения и до настоящего времени. А потом рассказами замучила, как он ревел по ночам, когда болел животик или резались зубы. Мы тогда с Настей по очереди дежурили у кроватки.

На этой счастливой ноте мы вчетвером заходим в ресторан.

Когда мы с Генрихом отходим от Нелли и Ленара, которые уже бурно обсуждают свою поездку на отдых в следующем месяце, Нейман протягивает мне фужер с шампанским и расплывается в улыбке:

– У вас интересные отношения с подругами.

Я слегка приподнимаю брови, не понимая, что он имеет в виду.

– Раньше думал, что в вашей тусовке главная Нелли, но, оказывается, это не так. Все держится на тебе, они как мотыльки кружат возле тебя. Теперь ясно почему. Когда я узнал тебя получше.

– И почему же? – усмехаюсь я.

– Панику на ровном месте не разводишь. – Генрих ведет подбородком в сторону Ленара и Нелли. – А еще умеешь осаживать других буквально одним взглядом. К тебе не каждый осмелится подойти. Я полагал, дело в наличии ребенка. Но это не так. Какие-то внутренние блоки. Почему ты держишь меня на расстоянии? Может, подпустишь ближе? – спрашивает он, не сводя с меня проникновенного взгляда.

– Может, – включаюсь во флирт. – Когда Андрей родился, на мои плечи легло слишком много ответственности. Но в то же время его появление сделало меня мягче – это факт. Во всех смыслах этого слова. Очень приятно, что ты нас с Андреем не разделяешь и понимаешь, что причина моей замкнутости вовсе не в нем. Кстати, спасибо за цветы, Генрих. Но такой красивый букет оставлять в салоне было очень жалко…

– Не жалей. – Нейман берет мою руку и подносит к губам. – Я еще подарю.

Почему-то я сильно смущаюсь. Не покидает ощущение, будто по лицу и плечам водят горящей спичкой.

– Ты вроде бы в Питере до среды задержишься? Можно напроситься к тебе в компанию и предложить прогуляться? Прежде чем дашь ответ, ты должна принять во внимание тот факт, что я отлично знаю город. В молодости мечтал работать гидом, и в моей копилке много забавных историй. Обещаю тебе море улыбок и хорошее настроение, – заверяет Генрих и опускает глаза на мои губы. – Ты не пожалеешь, Алёна.

– Хорошо. Я подумаю о твоем предложении, – улыбаюсь в ответ, позволяя Нейману держать меня за руку, и даже соглашаюсь с ним на танец.

После торжественной части и речи Иващенко, в которой он сообщает, как счастлив, что деловые партнеры пришли разделить с ним радость, Ленар и Генрих отходят в сторону для обсуждения рабочих вопросов, и мы с Нелли остаемся одни.

– Ты, конечно, тихушница, Ноль, – киваю я на ее живот, наблюдая, как подруга поглощает вкусности со шведского стола. – Дотянула опять, что Ленар тебя сдал.

– Вообще-то я думала, что он сделает это раньше, – отвечает она с набитым ртом, избегая смотреть мне в глаза. – Это же у нас чем-то вроде семейной традиции стало. На улице повозмущалась немного для вида, и то лишь потому, что Ленару нравится, когда я фонтанирую эмоциями. Он у меня энергетический маньяк. Подпитывается таким образом.

– Я это и так давно поняла, – хмыкаю я, наблюдая за подругой.

Нелли нервно посмеивается и отправляет в рот кусочки сыра одним за другим, стараясь вести себя как обычно. Но я слишком хорошо ее знаю и вижу, что она чем-то сильно обеспокоена и пытается это скрыть.

– Говори, что случилось, – требую спокойно.

Нолик оставляет вкусности в покое и поднимает голову. Лицо бледное, глаза лихорадочно блестят.

– Клянусь, Алёна, я ничего об этом не знала, – начинает она, бросив на меня встревоженный взгляд. – Ленар что-то говорил про новых партнеров, филиалы за границей, связи, договоренности и тому подобное. Он в последнее время часто ездил в командировки. Но я и подумать не могла, что это сотрудничество будет с ним и его семьей! Знакомые фамилии не мелькали, честно! Да я бы сразу тебе сказала и ни за что сюда не привела!

Я слушаю Нелли, впадая в оцепенение. И без озвученной фамилии понятно, о ком сейчас пойдет речь. В груди опять болезненно сжимается, и невозможно сделать вдох.

– Только резко не поворачивайся. У тебя за спиной стоит Багдасаров, – тише продолжает Нелли.

Тревога, не покидающая меня с момента встречи с Янисом в салоне красоты, доходит до эмоционального пика. Теперь тоже дрожат руки, как и у Нелли. Не послушав совета подруги, я поворачиваю голову и, увидев Яниса в обществе Иващенко и еще нескольких мужчин солидного возраста, до боли закусываю нижнюю губу. Так вот почему весь вечер не покидало ощущение, будто за мной кто-то наблюдает.

Все это время я ничего не выясняла о Янисе. С моей стороны не было ни одной попытки. Хотя возможностей была куча. Со слов Гончарова, с которым мы первое время изредка созванивались по одному общему вопросу, я знала, что Ян улетел за границу, только не вникала куда и как надолго. Сознательно отгораживалась от этой информации. Интересно, а Ян? Мы с ним плохо расстались… На его месте я не испытывала бы ничего, кроме ненависти. И судя по тому, что он даже не кивнул мне в салоне в знак приветствия, так оно и есть.

3 глава

Отвернувшись от Яниса, я долго смотрю перед собой, мечтая только об одном: покинуть ресторан и сесть в самолет до Москвы. Через несколько дней избавлюсь от шлейфа воспоминаний об этой случайной встрече, и все будет как прежде.

Кажется, сегодня я еще ничего не ела. Нужно, как Нолик, занять чем-то руки и мозги, только бы не думать о том, что Янис находится в нескольких метрах от меня и может подойти в любой момент. Хотя… будь я на его месте, не подошла бы. Даже на метр бы не приблизилась.

Поднимаю запястье, которое обвивает изящный браслет часов. Разгар вечера, планов на него было много, но остаться здесь равно пересечься с Багдасаровым. А я этого не хочу. От слова «совсем».

– Идем.

Утащив Нелли в укромный уголок с другой стороны стола, перевожу взгляд в окно, на огни вечернего города, пытаясь унять волнение и дрожь в руках.

– Интересно, кто эта девушка с ним? – тихо спрашивает Нелли, продолжая на нервах поглощать вкусности со стола.

– Совсем не интересно, – резко обрываю я ее.

Есть предположение, кто эта девушка, но кем бы она ни была, мне не должно быть до этого дела. Никакого.

– Забавно, ты не находишь? Вы оба в в парах со светловолосыми… Ну ты понятно почему. А Багдасаров? Неужели его так зацепило, что ты тогда взяла этот проклятый салон?

– Еще как зацепило. И не только это. Ох, Нелли, не береди старые раны, – прошу я.

Не удивлюсь, если Гончаров со своей стороны посодействовал, чтобы Яниса от меня окончательно отвернуло, и, возможно, как-то подлил масла в огонь его ненависти. Потому что Багдасаров после того разговора исчез с горизонта, словно его и не было в моей жизни. Как и предупреждал: ушел в теневой бан. Точнее, меня туда отправил. Вероятно, начавшиеся у его брата проблемы со здоровьем и мое абсолютное равнодушие тоже сыграли немаловажную роль, а может, еще что-то, не знаю. И знать не хочу.

– Багдасаров подошел к своей спутнице и что-то говорит ей на ухо, при этом смотрит в нашу сторону, – докладывает Нелли.

– Боже, Нолик, остановись. Сделай вид, как и я, что его здесь нет. Давай переведем тему. Пожалуйста.

– Я не могу, Алёна. Ты тогда сильно переживала, мы с Ленаром даже сроки свадьбы сместили из-за этого. Такое не забывается, – говорит она. – Всё, разошлись. Ян вернулся к Иващенко, а его пассия направилась к Анжелике.

Которая спустя пятнадцать минут подходит к нам вместе с девушкой Яниса. Черт. Ну зачем, спрашивается? Это он ее попросил, да?

Нелли недовольно вздыхает, отставляя бокал с соком на поднос.

– Я ей в волосы вцеплюсь когда-нибудь, если не прекратит крутиться возле меня и Ленара. Клянусь.

– Добрый день, Нелли, – вежливо здоровается дочка Иващенко, поравнявшись с нами, а затем переводит на меня вопросительный взгляд. – Вы, кажется, Алёна?

Я киваю в знак приветствия, мечтая выпить еще шампанского. Но пока хватит.

– Здравствуй, Анжелика, – сохраняя дружелюбный тон, отзывается Нелли. – Да, это Алёна. Девушка Генриха. А вы?.. – мило улыбается она спутнице Яна.

Прекрасно понимаю, зачем Нолик это говорит. И почему так себя ведет. По ней явно плачут театральные подмостки.

– Вероника. Вежина. – Девушка протягивает мне изящную ладошку.

Теперь я тоже начинаю испытывать раздражение, как Нелли, но особо погрузиться в эти ощущения не получается, потому что пассия Яна в процессе ненавязчивого общения якобы невзначай проливает на мое платье фужер шампанского и тут же наигранно начинает извиняться.

Все сомнения относительно того, кем приходится Янису эта дама и о чем они шептались, отпадают. Подойти на виду у всех гордость не позволяет, да, Ян? Хочешь личной аудиенции за закрытой дверью и без лишних глаз? Но зачем?

– Я случайно, – фальшиво продолжает извиняться Вероника.

Хочется громко ругаться. Случайно она, как же. Я бросаю в сторону Яниса опасливый взгляд.

– Ничего. Всё в порядке, – спокойно заверяю Веронику. – Я отойду на минутку.

Поворачиваюсь к Нелли, глазами показывая ей, чтобы стояла на месте и дальше изображала дружелюбие.

В туалете нет не души. Хотя недавно кто-то был. Пахнет сигаретами и женскими духами. Помыв руки и вытерев салфетками подол черного платья, я выпрямляюсь и замечаю Багдасарова, который стоит в дверях и наблюдает за мной.

Не понимаю, чем это заслужила. Тем, что в прошлом мы были вместе и плохо расстались? Но так получилось. Я не хотела подобного финала.

Скользнув по Янису быстрым взглядом, я бросаю салфетки в урну и, стараясь не смотреть ему в глаза, иду к выходу, но Багдасаров преграждает путь.

– Упс, – небрежно произносит Ян, когда я пытаюсь обойти его.

Делаю шаг в сторону, но Янис тоже его делает, не давая пройти.

– Торопишься, Алёна? – спрашивает умиротворенным голосом, слегка приподняв бровь.

– Да. Ты не мог бы отойти?

– Не мог бы.

Багдасаров вдруг начинает наступать на меня, располосовывая взглядом, от которого рвет в клочья. Я пячусь назад, пока не упираюсь лопатками в холодную стену, понимая, что попала в западню.

– Меня в зале ждут, – стараюсь говорить максимально спокойно, но внутри безмятежности ни на грош.

– Подождут.

В груди щемит, сжимается под натиском сильных чувств, вызванных внезапной встречей в салоне красоты и ее продолжением в ресторане.

Чуть наклонив голову, Ян подходит вплотную, и меня парализует от его близости. Перед глазами вспыхивает сцена прощания у аэропорта, наши переплетенные пальцы, шепот на ухо… Расставание, все мои слова и поступки тоже. Одно от другого неотделимо. Никак.

– Не нужно. – Я предпринимаю еще попытку, но Ян даже не двигается.

– Нужно.

Багдасаров сканирует меня прищуренным взглядом. Долго. Настойчиво. Ощущаю себя привязанной к столбу ведьмой, у ног которой разводят костер. Становится жарко, я хочу оттолкнуть Яниса и уйти. Но боюсь прикасаться к нему. И эти дикие глаза напротив… Он все еще ненавидит меня. Мне не показалось. Но зачем тогда это все затеял? Дальше бы игнорировал и не подходил.

– Нового поклонника завела?

– Завела, – отвечаю односложно, беря с него пример.

Полуулыбка сходит с мужественного лица.

Я собираюсь оттолкнуть Яна, сказав, что тороплюсь, но он упирается рукой в стену над моим плечом и грубо прижимается ко мне всем телом. Хочется снова ляпнуть что-то такое, чтобы Багдасарова перекосило и он отошел от меня. Желательно навсегда. Потому что его близость и мощная энергетика, как острая бритва, которой ведут по затянувшимся ранам, вспарывая их по новой.

Свободной рукой Багдасаров тянется к моему лицу и проводит пальцем по щеке, очерчивает родинку, а глазами как будто говорит: «Как же можно быть такой красивой и бессердечной сукой, Алёна?» Вот так и можно, Ян!

Я пытаюсь отвернуться, но пальцы Багдасарова больно смыкаются на подбородке, заставляя смотреть ему в лицо. И прежде чем его взгляд становится мягче, проходит очень много времени. Острое лезвие успевает полоснуть сердце несколько раз, оставляя глубокие порезы. А еще… я замечаю шрамы на руках Яниса. Они такие же, как у Андрея, когда он обварил ладошку кипятком.

Дыхание Яниса тяжелое, как после быстрого бега, хотя внешне ничто не выдает его эмоций. Неужели научился держать себя в руках? Судя по тому, как тесно он прижимается ко мне, вдавив в стену, вряд ли. Между нами слишком мало расстояния. Слишком.

– Живая, – тихо хмыкает Ян и какое-то время молчит, а потом бьет словами наотмашь: – А мне постоянно снилось, что умерла. – Он рвано выдыхает мне в щеку и легко касается горячими губами кожи.

На мгновение я закрываю глаза. От услышанного становится нестерпимо больно. Часто-часто моргаю, чтобы не дать подступившим слезам выкатиться из глаз. Умерла, да? Всё так, Ян. Тебе опять снятся вещие сны?

Когда я начинаю заметно дрожать, Багдасаров резко убирает руки и отходит, его взгляд становится отрешенным.

– Какой только глупости не приснится, – коротко заключает Ян с нотками грусти.

Мне стоит больших усилий взять себя в руки и не завыть от досады.

– Ты вроде торопилась? Иди, – кивает он на дверь. – Я больше не держу.

С радостью бы, но ноги будто одеревенели. Невозможно убежать от того, что внутри, а там сейчас ад. Я делаю шаг. Еще. Движения даются с трудом. Словно гири к ногам привязали.

– Алёна, – окликает у двери хриплый голос.

Я замираю. Страшно обернуться и снова встретиться с глазами Багдасарова.

– Ты переехала в Питер? – спрашивает он.

Все-таки поворачиваюсь.

– А что?

Ян подходит к подоконнику и достает из кармана брюк пачку сигарет. Поправляет воротник рубашки, зажав в зубах одну, и равнодушно пожимает плечом.

– Если Нейману и Камаеву создать немного проблем и движухи, – криво усмехается, – интересно, захочет им кто-нибудь прийти на помощь в затруднительной ситуации?

Увидев, как я дернулась от его слов, Янис выпускает струю сизого дыма в мою сторону и невинно округляет глаза, мол, что-то не так сказал, Алёна?

Лучше бы ударил, чем так издеваться и делать больно, перед этим подослав свою любовницу или эскортницу облить меня шампанским, чтобы потом самому остаться со мной наедине.

– Ты ведь не сделаешь этого? – шепчу я.

– Не знаю. – Ян снова кривит губы в ироничной усмешке. – Ладно. Иди, – кивает на дверь. – Тебя уже, наверное, заждались. Надеюсь, еще увидимся, – подмигивает он, и мне становится плохо от того, что я вижу в глубине темных глаз.

– Надеюсь, что нет.

Я выхожу за дверь.

Господи, пусть Багдасаров одумается и оставит меня в покое. Я лишь недавно пришла в себя после всех эмоциональных встрясок. Не хочу ворошить старое. А если он все такой же упертый, как и раньше, то впору искать визитку Гончарова, чтобы как-то повлиял на Яниса и вправил ему мозги. Если это, конечно, в его силах.

В коридоре я сталкиваюсь с Генрихом. Нейман ловит меня в объятия и привлекает к себе, внимательно осматривая.

– Всё в порядке? Нелли сказала, что тебе нужна помощь. Ты вся дрожишь, Алёна… – замечает он. – Что случилось?

Я инстинктивно вжимаюсь в Неймана, оглушенная собственным сердцебиением. А когда слышу за спиной голос Багдасарова, сердце и вовсе грозит проломить грудную клетку.

– Я немного испугал твою спутницу своим неожиданным появлением в дамской комнате. Перепутал двери. Еще раз извините… не знаю вашего имени, прекрасная незнакомка. Я не преследовал цели вас напугать, – обращается ко мне Ян, пока я не отнимаю лица от груди Неймана, обтянутой черной рубашкой. – Приятного вечера.

Уверенные шаги вскоре стихают, и мне становится чуточку легче. Но в голове по-прежнему каша. Я понимала, что придется жить с последствиями своего выбора, но и представить не могла, что это окажется так тяжело.

Нейман приподнимает мое лицо двумя пальцами, заставляя на себя посмотреть.

– Меня случайно облили шампанским. Я отмывала пятно в туалете, когда вошел этот мужчина… Расстроилась, что теперь буду ходить «красивая» остаток вечера, – грустно констатирую, кивая на испачканный подол платья.

– Хочешь уйти? – словно почувствовав мое настроение, спрашивает Генрих.

– Хочу, – честно отвечаю я.

– Тогда идем попрощаемся с Камаевыми, и я вызову такси, – говорит Нейман, обнимая меня за талию.

Мысль вернуться в зал мне не очень нравится, но, кажется, самое страшное за этот вечер я уже пережила. Несколько минут назад.

4 глава

Мы с Генрихом возвращаемся в зал. Меня до сих пор лихорадит после встречи с Янисом, а пол под ногами никак не обретет твердость. Пробегаюсь глазами по толпе и нахожу Багдасарова в обществе своей спутницы, они о чем-то увлеченно беседуют. В основном говорит Ян и выглядит при этом абсолютно спокойным и собранным. Вероника с искренней улыбкой смотрит на него, трогает за руку, а потом они вместе направляются на выход, продолжая что-то обсуждать. Красочные картинки, как и чем они закончат вечер, ярко вспыхивают перед

глазами. Я жмурюсь, блокируя эти мысли. Нельзя. Ян чужой для меня человек. Но почему же так больно?

Мы с Нейманом покидаем ресторан через десять минут. Погода стоит теплая. Будь я в хорошем настроении, предложила бы Генриху прогуляться до отеля, где живу, пешком. Но отвлечься сегодня не получится, лучше побыть в одиночестве и лечь спать. Проверенный способ. Нейман просит водителя подождать и выходит на улицу следом за мной. Я прикладываю усилия, чтобы отвечать на вопросы Генриха. Мы договариваемся созвониться завтра утром и прощаемся.

Оказавшись в номере, снимаю платье, смываю макияж и еще несколько минут смотрю на себя в отражении, вспоминая прикосновения Багдасарова и его слова о том, что ему снилось, будто бы я умерла. Встряхнув головой, беру телефон и звоню Ласке.

Настя сбрасывает звонок и тут же присылает сообщение: «Укладываю Гарри спать». Перезванивает она лишь спустя полчаса.

– Всё, вырубился, – слышится в трубке ее замученный голос. – Наконец-то! Я читала ему почти час! Можешь себе представить? Он сегодня бешеный как никогда. На площадке толкал детей, пытался драться с каким-то новеньким мальчиком, который не давал ему поиграть в песочнице с любимой Диной. С тобой Гарри так себя не ведет, Алёна, – жалуется Настя. – Неужели я для него не авторитет?

– Устала, да? – Прикрыв глаза, я тихо посмеиваюсь.

– Не то слово. Завтра приедет Тамара Семёновна, обещала присмотреть за нашим бандитом в первой половине дня, потому что вечером мне позвонили с работы и попросили приехать в офис на пару часов. А потом я поведу симулянта к педиатру, и надеюсь, нам дадут справку, что он здоров, если Андрей, конечно, не будет кашлять на весь коридор, изображая недомогание, как в прошлый раз. После этого на неделю отправим его в сад. С ночевкой. Как тебе мое предложение? – быстро тараторит Настя.

– С ночевкой? – переспрашиваю с улыбкой.

– Да. Воспитатель наденет на него смирительную рубашку, обвяжет рукава вокруг стула. Андрей будет сидеть и смотреть, как все бесятся без него, красный от негодования. Возможно, начнет звать тебя на помощь. Точно. Скажу Марине Вячеславовне, что разрешаю ей заклеить ему рот скотчем, чтобы никто не услышал боевой клич нашего забияки.

– Ты сегодня тиран в юбке, Настя. Неужели у вас был настолько суматошный день?

– Да, Алёна! Кстати, если соседка напишет на тебя жалобу в опеку, то знай: мы просто подстригали Гарри ногти. Она тарабанила в дверь громче, чем кричал Андрей. А когда я открыла, она спросила, что я делаю с ребенком и почему он так орет. Я ответила, что вызвала экзорциста и изгоняю из Андрюшки дьявола, а потом захлопнула дверь перед ее носом.

Я смеюсь в голос, представив эту картину, и настроение становится капельку лучше.

– Настя, я все эти манипуляции провожу, когда Гарри засыпает.

– Я в курсе! Но со спящим не получилось. Андрей немного накосячил, сломав ноготь на ноге, пришлось бегать за ним с ножницами по всей квартире… Ой, всё, – в сердцах произносит Ласка. – Давай лучше переведем тему. Димка не объявлялся?

– Звонил. Обещал через месяц прилететь.

– Какая потрясающая новость! Андрею нужна крепкая мужская рука. Позарез! А иногда и подзатыльник. Я пошла ему варить суп сегодня, возвращаюсь в комнату, а он, знаешь, до чего додумался? Хотя нет, не скажу. Приедешь и сама всё увидишь. Теперь ты о ремонте не только на словах задумаешься.

– Ты же просила перевести тему, – напоминаю я, не переставая смеяться. – Пойди хлопни пять капель валерьянки.

– Иногда я поражаюсь, какие у тебя крепкие нервы. А еще нет ни одного седого волоска… Ведьма!

Меня передергивает от этого слова, но тут же глушу в себе всякие эмоции на этот счет.

– Настя, – говорю я, перестав улыбаться, – Андрей себя так с тобой ведет, потому что ты его слишком опекаешь. Он самостоятельный парень. И совсем не любит, когда на него давят или ругают. А ты давишь. Он таким образом защищается. Ты его союзником должна быть, другом, а не наседкой. Запомни эту простую истину, и ваши отношения с Гарри станут в разы лучше. Своеобразный у нас ребеночек, но какого боженька послал.

– Кого-то он мне напоминает, – ухмыляется она. – Ваша порода, да?

– Наша. Чья же еще, – соглашаюсь я. – Ладно, Настюх, я спать. Как вернусь из Питера, свожу тебя к психотерапевту. Не грусти.

Ласка нервно посмеивается.

– Кстати, там Ульянова заезжала и оставила бизнес-план по новым секциям в Мытищах и Люберцах. Сказала, что без привлечения спонсоров дело не выгорит. Ждет от тебя дальнейших указаний.

– Хорошо, поняла. Займусь на днях этим вопросом. Поцелуй мое спящее солнце. Завтра наберу вас по видео.

– Ты хотя бы просто набери, чтобы удостовериться, что я жива.

– Не наговаривай на Андрюшу. Он у нас славный мальчик. Пусть шкодничает. Если не в детстве, то когда еще?

– Действительно, – отвечает Ласка с громким хмыком. – Пусть убьет нам обеим нервную систему.

Не без этого. Иногда и моему ангельскому терпению наступает предел. Но Андрей скоро вырастет, и станет чуточку легче. Надеюсь.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы с Настей прощаемся, и я завершаю разговор. Домой хочется очень сильно. Без завтрашних встреч с Генрихом.

Но в итоге весь следующий день мы с Нейманом гуляем в одном из парков, а утром он присылает за мной машину с извинениями, что не успевает проводить лично.

Я кайфую от того, как медленно и спокойно развиваются наши отношения, как Генрих ухаживает за мной. Еще бы полностью блокировать мысли о Янисе, которые со вчерашнего дня не дают покоя…

По возвращении домой отправляю Генриху сообщение, что приземлилась. Проверяю личную и рабочую почты. Ульянова снова пишет, что бесплатным секциям фигурного катания на окраинах Москвы не хватает денежных средств и нечем платить аренду. Нужно что-то решать, нельзя останавливаться на полпути. Мы занимаемся хорошим делом. Завтра брошу клич среди знакомых, подойду к Рябову в крайнем случае. Он умный мужик, что-нибудь обязательно посоветует. Не пропадем.

Расплатившись с таксистом, я выхожу на улицу и собираюсь подняться в квартиру, когда звонят из школы с просьбой подменить Туманову на завтрашней тренировке. Бедная Ласка. Она точно сойдет с ума, если не дать ей выходной.

Открываю дверь, пряча игрушечного песика за спиной. Андрей все время просит настоящего, но я не потяну сейчас ухаживание еще и за щенком. За мной бы кто осуществлял уход. Разуваюсь, ставлю сумку на комод и, затаившись, жду. Радостный клич не заставляет себя долго ждать и тут же доносится из гостиной.

– Ура! Ты дома! – Андрей впечатывается в мои ноги и крепко обнимает.

Он не сразу замечает игрушку в моих руках, но, увидев плюшевого пса, рассматривает его сияющими глазами. Сколько же эмоций в этом ребенке! Я души в нем не чаю. Еще бы научиться направлять его неиссякаемую энергию в нужное русло.

– Назову его… Стас, – важно говорит Андрюша.

– Почему Стас? – Я присаживаясь на корточки и целую его в пухлую щечку. – Может, это она?

– Нет, – упрямится Гарри. – Стас! Он меня вчера обижал на улице. И я хотел его побить.

– Хм… – задумываюсь я. – Ты раньше называл все игрушки Динами…

– А теперь буду называть Стасом!

Вечером сходим на площадку, посмотрю, что там за мальчик. Похоже, дело не только в красном ведерке, синей лопаточке и неподеленной территории в песочнице. Не удивлюсь, если замешана ревность к Дине. Это девочка, которая Андрею очень сильно нравится.

– Супер, Дрю! Вот и мама.

Я замечаю в дверях довольную Ласку, которая уже натягивает на себя джинсы и джемпер.

– Пост сдал, – улыбается она во все тридцать два зуба.

– Всё? Сбегаешь? – улыбаюсь в ответ, наблюдая за Настей.

– Да, до работы доеду. Буквально туда и обратно. А то с утра уже весь телефон оборвали.

Я отхожу в сторону, решив вечером огорошить Настю «приятными новостями», что завтра они с Андреем поедут со мной на тренировку. Гарри нравится проводить время с детьми и кататься на коньках. Вот и совместим приятное с полезным. Бог даст, ничего не сломаем. Ни себе, ни окружающим людям.

Ласка убегает по своим делам, а мы с Андреем идем в детскую. Меня со вчерашнего дня не отпускает любопытство, что же такого он там натворил. В комнате погром – ничего необычного, а вот из нового – обои разрисованы черным маркером. Черный – наш любимый цвет. Рисовал Андрей от души, это сразу заметно.

– Это что такое, сынок? – киваю на его художества.

– Настя краски не разрешала брать, – хмуро отвечает он, услышав строгие нотки в моем голосе. – А я хотел рисовать. – Упрямо топает ногой.

Я едва сдерживаю улыбку.

– А оттирать как будем?

– Никак. Мне понравилось рисовать стоя, а не сидя за столом. И вон там, – показывает Гарри на противоположную стену, – я еще не дорисовал.

Н-да. Наверное, с ремонтом пока и впрямь повременим. До совершеннолетия Андрея.

– На площадку хочу, – говорит он, наблюдая, как я поднимаю одну из машинок с пола, не отводя глаз от его художеств.

– Окей. Собираешь игрушки, и идем. По рукам? – предлагаю я.

– Я не хочу собирать игрушки. – Андрей опять хмурится.

Я молча подтягиваю к его ногам пустую коробку и выхожу из детской. В противном случае останемся дома, а с Диной будет играть Стас. Даже не приходится это озвучивать: Андрей иногда понимает всё по одному моему взгляду. Не знаю, как Ласка, но я ходы этого маленького манипулятора давно научилась просчитывать наперед. Со мной эти трюки и топанье ногами не прокатят.

Пока разбираю вещи и звоню Ульяновой, Андрей копошится с игрушками и при этом над чем-то громко причитает. Я не удерживаюсь от соблазна и, включив камеру, подкрадываюсь к детской, снимаю его на видео.

Через сорок минут Андрей довольный вышагивает по улице в новом чистом костюмчике. Нагулявшись, он тащит меня в ближайшее кафе, чтобы поесть пирожных. Ласка присоединяется к нам в процессе пиршества. Мы обсуждаем с ней завтрашний график и, сойдясь во мнении, что они с Андреем проведут со мной время на катке, идем домой.

Больше всех подобному раскладу рад Андрей, мы же с Настей опасливо переглядываемся, про себя думая о том, как бы после катка не мчать в травмпункт.

– Спорим, он будет как шар в боулинге разгоняться на коньках и мчаться в толпу? – шепчет Настя так, чтобы Андрей не услышал.

– Зато таким образом его можно обучить счету, – подхватываю я. – А говорила, что ты не прирожденный воспитатель. Главное, индивидуальный подход! – Толкаю рычащую Настю в бок.

Однако в каждой шутке есть доля правды. Нужно попробовать провести эксперимент с игрушками. Вдруг так Андрей действительно быстрее выучит цифры?

Поднявшись в квартиру, я иду в ванну купать маленького чудика, а потом несу его в кровать. Андрей показывает пальцем на любимую книжку про собачку Соню и заразительно зевает. Я и сама дико устала за этот длинный день.

– Три сказки, – сонно бормочет он и обнимает меня за плечи, целуя в щеку.

Я готова растечься лужицей на кровати, когда Андрей такой нежный. Глажу в ответ его мягкие волосы и читаю сказку, пока он не засыпает, а потом иду на кухню, чтобы выпить лекарства.

– Алёна, я тебе должна кое в чем признаться, – вдруг говорит Ласка, включая электрический чайник.

Я наливаю в стакан воды и сажусь на стул. Фокусирую на Насте взгляд, устало подперев рукой подбородок.

– Ну.

– Мне… вчера звонил Гончаров, – сипло выдыхает она, наблюдая за моей реакцией. – До тебя он дозвониться не смог.

– И что хотел? – сухо уточняю я.

– Предупредил, что Янис вернулся в Россию и интересовался тобой. Тем, что стало со Слуцким, и твоим салоном. Похоже, Багдасаров еще не в курсе, что ты сменила фамилию и всё распродала…

Я задумчиво кусаю губу, пока не зная, как отнестись к этой информации. Нет, Гончаров, конечно, молодец. Ничего против его звонка и предупреждения не имею. В свое время он оперативно помог с оформлением всех бумаг по продаже салона и магазина, да и со Слуцким решил вопрос, как и обещал. Но мне все равно неприятно общаться с Костей, потому что он был свидетелем той ужасной сцены в клубе и с его помощью я закончила отношения с Яном. Вроде бы поблагодарить должна, а по сути, и не за что.

– Алёна? – зовет Настя, трогая за плечо, и я вздрагиваю. – Всё нормально?

О встрече с Багдасаровым я решила ничего не рассказывать Ласке. И Нелли попросила молчать. Все мои переживания давно в прошлом. Пусть там и остаются.

– Не бери в голову. Если Янис появится, то чисто утолить любопытство. Наши пути разошлись. – Тянусь к обезболивающему, потому что опять начинает ныть живот. – Закроем эту тему, хорошо?

Настя шумно вздыхает, переводя озадаченный взгляд на мои таблетки.

– Что с анализами?

– Получше, – коротко отвечаю я, чувствуя, как распирает грудную клетку после новых упоминаний о Янисе, и перевожу тему: – Как успехи с твоим участием в конкурсе?

– Через два месяца поедем в турне. Мне обещают заплатить хорошие деньги, – делится Настя своими успехами, а я удовлетворенно киваю.

– Два месяца? Представляешь, как Андрей обрадуется, что отправится с тобой в путешествие? – спрашиваю как можно ровнее, сдерживая ехидную улыбку.

– Не смешно, Алёна! У меня аж мурашки выступили от ужаса, что проведу с ним одна два месяца, без помощи, да еще и в чужой стране. – Настя смотрит на меня округлившимся глазами и показывает свою правую руку, на которой встали дыбом светлые волоски. – Завтрашнего похода на каток будет предостаточно для моей нервной системы, – чеканит она последние слова.

Да, смешного на самом деле мало. За последние полгода мы с Андреем сменили два садика и столько же нянь. Спасибо, что плюшевых собак их именами он пока не называет. Боже, я и впрямь поседею, пока это чудо вырастет и выпорхнет из-под моего теплого крыла. В жизни бы не подумала, что так трудно воспитывать мальчишек и справляться с ними без мужской руки.

5 глава

– Алёна, если бы я не знал тебя и твой упертый характер, то дал бы совет бросить эту затею. Ну ладно одна-две секции, ну три… Но скажи мне, как ты собираешься пять тянуть? У тебя ведь еще полная ставка в нашей школе и маленький ребенок. Андрей твой как Маугли растет, все время с тобой проводит и висит на твоей ноге. На коньках кататься научился, наверное, раньше, чем нормально ходить, да? – отчитывает меня Рябов, как девочку. – Не думаешь о себе, так о ребенке подумай!

Мой взгляд застывает на столе директора, пока он ходит по кабинету туда-сюда, чем жутко нервирует. Я пришла попросить совет, нотаций и причитаний мне от Ласки хватает. Она примерно то же говорит.

– Я всегда об Андрее думаю, Юрий Степанович, – произношу как можно тверже. – Нормальное у ребенка детство. И мы не только работать с ним умеем, но и через пару недель в отпуск собираемся. Вы уже приказ подписали. Только перед этим я хочу с секциями вопрос решить. Вы же в курсе, что я не одна это дело веду, а с вашей воспитанницей? Ульянова здорово помогает. Да и вы не бросите. У вас есть знакомства среди спонсоров, а нам не хватает всего лишь пятьсот тысяч… – быстро тараторю я, но Рябов перебивает.

– Всего лишь? – Юрий Степанович морщится.

– Это в первую очередь помощь детям. Которые хотят заниматься спортом, участвовать в соревнованиях, но не имеют возможности перешагнуть через социальные ступени. У их родителей не хватает средств. Да разные причины бывают. У меня есть силы и желание организовать их досуг, мы с командой помогаем детям заниматься тем, что их интересует. Три секции подняли с нуля, еще две до ума доведу и остановлюсь. Честно. Но на начальных этапах нам нужен толчок. И деньги…

Повисает длительное молчание. Юрий Степанович нервно трет рукой подбородок.

– Ох, Алёна, – вздыхает Рябов. – В школе нет сейчас свободных денег, но у меня есть один вариант… Давай попробуем…

Он отходит к окну и достает из кармана брюк телефон. С задумчивым выражением лица кому-то звонит и договаривается о том, что завтра я подойду со своим бизнес-планом к некой Галине Владимировне и мы обсудим с ней все детали моего проекта. Ну вот. Уже что-то.

– Я сделал все, что мог, Алёна. Это одна из помощниц директора благотворительного фонда «Загадай желание». Он давно не только спонсирует медицинские учреждения, где лечатся больные дети, но и такие проекты, как у тебя, ведет. Если фонд заинтересует твоя задумка и ты будешь убедительна, как и со мной, то все получится. Пока отправляйся на тренировку, но свои творения оставь, – кивает Рябов на папку, которая лежит у меня на коленях. – Я еще раз внимательно посмотрю. – Он хлопает ладонью по столу.

Душа поет от счастья. Рябов согласился помогать и даже замолвил за меня словечко перед руководством благотворительного фонда. А уж убеждать я умею. И у Тани Ульяновой язык хорошо подвешен. Прорвемся.

– Спасибо большое, – благодарю от всего сердца.

Взваливать на свои плечи такую ответственность, конечно, тяжело, но через год или два я точно не пожалею об этом решении. С тремя предыдущими секциями не пожалела. Да, времени вести проекты мало, но моя команда растет. Таня отлично справляется со своими обязанностями, подтягиваются помощники, а я всегда на подхвате. В наших секциях дети могут заниматься бесплатно и

организовывать свой досуг. Завтра попрошу Ульянову отвезти знакомой Рябова документы и буду ждать, что нашим проектом заинтересуются. У меня уже давно заготовлена под это дело речь.

Тренировка проходит без эксцессов. Андрей ведет себя на удивление очень тихо и спокойно. Благодаря моей предусмотрительности. Во-первых я разбудила его сегодня пораньше и машину оставила далеко от школы, мы почти пятнадцать минут шли пешком бодрым шагом. Обратно тоже предстоит нелегкий путь. Зато Андрей уже сильно выдохся: краем зрения замечаю, как вяло он перебирает ногами в коньках и зевает. Отлично! Сейчас дойдем до машины и он вырубится в детском кресле. Скорее всего, до завтрашнего утра, если повезет. Потом доедем до дома, я перенесу его в кровать и сама засну.

Подхожу к Ласке и Андрею, которые сидят на лавочке и ждут меня.

– Я всё. Погнали домой?

– Ну наконец-то, – бурчит Ласка, поднимаясь на ноги.

– Только заберу документы у Рябова. Вы пока собирайтесь, – киваю на сумку.

Через пятнадцать минут мы втроем идем к моей машине. Андрей клюет носом и на половине пути просится на руки. Начинает капризничать и хныкать. Я отдаю папку с документами Ласке и протягиваю руки Андрюше.

– Давай я? – предлагает Настя. – Ты только недавно сделала операцию и опять таскаешь его…

– С мамой хочу, – отталкивает Ласку Андрей и сонно утыкается носом мне в шею, обнимая за плечи.

– Всё нормально, Насть. Мне же не полостную делали. Да и устал он очень. Неплохо я сегодня вас погоняла. Извини. Не думала, что тренировка затянется.

– Ничего страшного. Зато спать все будем как убитые. – Ласка тоже зевает и обнимает папку с документами, прижимая к себе. – Кстати, что Рябов сказал? Поможет?

– Ага, – с довольной улыбкой отзываюсь я. – Классный мужик. Как я и думала, захотел помочь. Главное, правильно доносить до людей свои цели и желания. Сейчас по пути к Тане заскочим. Оставлю ей документы, она завтра съездит в центр, к спонсорам. Если их заинтересует наш проект, то, считай, дело в шляпе и можно договариваться об аренде катка, запускать рекламу.

– Супер, – кивает Настя, поднимая большой палец вверх.

Я усаживаю Андрея в детское кресло, Настя располагается рядом, и мы едем домой, по пути передав документы Ульяновой. Я валюсь с ног от усталости и мысленно предвкушаю последний рывок – добраться до квартиры, а потом и до кровати. Сумасшедший выдался денек. Но плодотворный.

Надеюсь, завтра будет поспокойнее. Хотя планов как всегда немерено: сначала загляну в турагентство и заберу наши с Андреем путевки, а потом нужно ехать в Люберцы, чтобы договориться об аренде катка и выбить более-менее приличную цену. Морально и физически я дико устала. В глубине души жду не дождусь, когда отправлюсь к морю вместе со своим мелким проказником.

Промотавшись весь следующий день по делам, я опять еду домой в сумерках. Уже подъезжая, звоню Ульяновой и требую подробный отчет о том, как она съездила в благотворительный фонд. Таня докладывает, что документы Галине Владимировне передала, приняли ее замечательно, и заверяет, что у нее хорошее предчувствие насчет наших секций.

– Отлично. Держи меня в курсе. Ты большая молодец.

Паркую машину рядом с домом, но выходить не тороплюсь. Кладу руки на руль и перевожу дух. Это необходимо, потому что я дико напряжена.

– Ага, молодец, как же, – парирует Таня. – Ты бы видела эту организацию…

– А что с ней не так? – уточняю я, глядя в зеркало заднего вида.

Почему-то в последнее время постоянно мерещится машина Яниса. Лучше бы Гончаров никому не звонил. Умом понимаю, что Багдасаров не до такой степени отшибленный, чтобы что-то обо мне выяснять и просто так появляться на моем

горизонте, но от этих мыслей не сбежать. Они крепко засели в голове.

– Солидная. Серьезная. Если они возьмут нас под свое крыло, то наши дела определенно пойдут в гору, – с чувством произносит Таня.

– Тогда будем надеяться, что возьмут, – отвечаю я и тянусь к бардачку, чтобы забрать наши с Андреем путевки.

Завтра расскажу ему, что через несколько дней полетим на море. Вот радости и визгу будет! Если повезет, то и Димка к нам присоединится. Хотя в это слабо верится.

Мы еще немного обсуждаем с Таней наши спортивные новости, а потом я долго сижу в тишине, обдумывая ближайшие планы. С таким графиком курировать пять секций – это, конечно, смертоубийство. Но тренировки и работа всегда помогали мне оставаться на плаву и не терять веру в собственные силы. Незапланированное материнство тоже добавило красок в жизнь и сместило фокус на иные ценности.

Так, кстати, про ценности и сохранность нервных клеток. Если Ласка уедет на два месяца, то нужно найти еще одну помощницу. И как можно быстрее. Пока я не представляю, как буду справляться без Насти. Хоть она и ноет, что Андрей невыносимый мальчишка, но они отлично ладят. А от Димки помощи не дождешься. Если только финансовой. Но деньги я и сама умею зарабатывать. Иногда обижаюсь на брата за то, что он нас бросил. Бывает, в порыве усталости даже жестко его за это пилю. Впрочем, Дима вполне заслуживает эти нравоучения.

Оставив в телефоне заметку на завтра – «Позвонить в агентство», чтобы подыскали нам надежную помощницу, пишу еще одну: «Позвонить в сад». Вести туда Андрея – равно подхватить новую инфекцию. А я хочу улететь на море, ходить на пляж и отдыхать, а не лечить сопли маленького чудика. Пусть пока дома посидит.

Новый день пролетает в рутинных заботах, а поздно вечером звонит Ульянова и радостно сообщает, что я могу загадывать желание и собираться на собеседование с директором благотворительного фонда, который решил протянуть руку помощи нашей мелкой организации. И вот это поистине

приятная новость!

6 глава

Я просыпаюсь от звука льющейся на кухне воды и веселых напевов Ласки. Обожаю, когда она в хорошем настроении. Поворачиваю голову – Андрюшки рядом нет. Значит, уже встал. С недавних пор у нас правило: если мама спит, то ее будить нельзя. Мы ввели его после того, как я возилась с новыми проектами, почти не отдыхала и чуть не довела себя до истощения. Жаль, что у Андрея нет ни бабушек, ни дедушек. Лишь я, Ласка и Димка. Ну и еще Нелли с Ленаром. Бедный наш проказник, который все время на перекладных или на моих руках. В чем-то Рябов, конечно, прав. Андрей – самый настоящий Маугли. Но крутиться как-то нужно. Вот мы и стараемся.

Проверив уведомления на телефоне, я поднимаюсь с кровати и иду на кухню. Останавливаюсь в дверном проеме и прислушиваюсь к любимым голосам, собирая волосы в высокий хвост:

– Ты видел его лицо, когда сказал, что сейчас его побьешь? – спрашивает Ласка, повернувшись к Андрею. – Ты думаешь, что все конфликты можно решать только лишь кулаками? – Она отворачивается к плите, помешивая кашу ложкой.

– Да, – хмуро бросает сын и тянется рукой к шраму на лбу.

Когда нервничает, всегда его трогает. Ну или когда обманывает. Интересно, с возрастом эта привычка пройдет? Или так и останется отличительной чертой, по которой можно будет понять, что Андрей нервничает или хитрит?

– Почему? Кто тебя этому учит?

– Он мне не нравится, – бурчит сын.

Я улыбаюсь. Улыбка – это мой безусловный рефлекс на его реакции и мимику.

– И поэтому его можно бить лопаткой и ведром? Ты правда считаешь, что это нормально? – заводится Ласка, а я закатываю глаза и протяжно вздыхаю.

Настя опять наступает на те же грабли. Ну вот зачем она поучает Андрея? Да еще таким нравоучительным тоном. Пусть лучше песни напевает веселые. Ему это больше по душе. Собственно, как и мне.

– А если бы с тобой так? Чуть что, и сразу в нос получал бы? Понравилось бы?

– Нет. – Сын трет лоб сильнее.

– Я скоро уеду. Надолго. А ты за мамой приглядывай и веди себя хорошо. Договорились? И больше никого не обижай. Пожалуйста.

Андрей сидит насупленный в кресле и смотрит в окно. Такой взрослый, когда хмурится.

– Нет. – Он становится еще мрачнее, а я широко улыбаюсь. – Не договорились.

Так он напоминает характером одного человека, с которым в прошлом у меня были отношения и которого я почему-то очень часто вспоминаю в последнее время… Или такие параллели провожу, потому что представляю, что Андрей – сын Багдасарова, не знаю.

– Доброе утро. – Я подхожу к маленькому бедокуру и целую его в черную макушку.

– Привет, мам, – тут же отзывается Андрей и протягивает руки, чтобы обняться. – А Ласка обидела меня, – тихо шепчет на ухо. – Сказала, если буду драться, то она отнесет меня на мусорку, – говорит он намеренно громче, чтобы Ласка услышала.

– Что? – Настя с грохотом откладывает ложку на тарелку и недовольно щурится.

– Правда, мам. Клянусь. Давай ее накажем за это? Поставь Настю в угол.

Я отворачиваюсь, потому что не могу удержаться от улыбки.

– Алёна! – строго произносит Ласка, выключая плиту. – Корми его сама. Всё! Я в офис. Он на тебе.

– На-асть… У меня сегодня важная встреча. – Веселье тут же сходит на нет.

– С собой его возьми. А по дороге в мусорку загляните. Да, Андрюш?

– Нет, – опять хмурится негодник.

Я слабовольно думаю сделать так же, как Ласка пару минут назад: отчитать Андрея за его поведение и ябедничество, но тут же беру себя в руки. Ладно. Есть запасной вариант. Таня. Пока я буду у руководства благотворительного фонда «Загадай желание», она погуляет с Андреем на улице. До первого мусорного бака.

Замечаю, как лицо Насти багровеет, когда она проходит мимо довольного хулигана, который снова одержал над Лаской победу. Боже, ну в кого он такой вредный и настырный? Неужели и правда гены? Если я что-то в голову себе вобью, то всё, бесполезно. Ничем не вышибешь эти мысли. Хотя Димка такой же. И отец был с характером. Порода.

После завтрака я возвращаюсь в спальню и собираюсь на встречу, одеваю Андрея, и мы спускаемся вниз. Он причитает, что хочет остаться дома или гулять на площадке. Приходится потратить еще десять минут на уговоры. К счастью, успешные. Затем я звоню Ульяновой и прошу присмотреть за проказником, пока сама схожу с нашим бизнес-планом к некой Дине Сергеевне.

Казалось бы, формальность. Я столько подобных кабинетов обошла в свое время, но всю дорогу до центра чувствую себя странно: сердце ноет, сил нет и не покидает тревожное предчувствие, которое упрямо разрастается в груди, хотя я пытаюсь настроиться на благоприятный исход.

Мыслей и сомнений в голове откуда-то вмиг становится слишком много. Что, если я не потяну разом столько секций? А как же отпуск? Справится ли Ульянова без меня? Оправдаем ли ожидания столь серьезной организации, которая протянула нам руку помощи? А что, если приставят куратора и он будет требовать отчета о каждой потраченной копейке? Боже… Эти мысли как рой

пчел. Кружат и гудят без остановки. От них становится еще хуже.

Я не могу не полететь в отпуск: я ребенку обещала поездку на море! Мы и так ее откладывали несколько месяцев. То травмы Андрея, то мои. Если сейчас с Димкой не пересечемся, то когда потом увидимся? У него новый контракт в Корею на два года. Сомневаюсь, что Дима потом выкроит время для поездки в Москву.

Мне несложно сохранять невозмутимость. Давно приняла решение, что отлично справлюсь со всем одна и нам с Андреем прекрасно живется вдвоем. Да и жизнь не раз преподносила суровые уроки, что рассчитывать я могу только на себя. Но так иногда хочется опереться на чье-то сильное и крепкое плечо. Очень!

– Андрюшка, – поворачиваюсь я к сыну, припарковав машину у здания. – Веди себя хорошо. Слушайся Таню. Ладно? – Киваю в сторону Ульяновой, которая идет к нам.

– А можно с тобой, мам? – просит Андрей.

– В следующий раз. Я иду обсуждать важные вопросы, тебе будет скучно.

Андрей недовольно сопит и теребит в руках плюшевого пса. Наверное, Дину. Стасу он вчера ухо оторвал и запретил нам с Лаской пришивать обратно. Мелкое хулиганье!

Передав Гарри в руки Ульяновой, я направляюсь к зданию. В приемной встречают с улыбкой и просят подождать, сообщив, что у Дины Сергеевны сейчас люди. Я с опаской смотрю по сторонам и не знаю, куда деть дрожащие от волнения руки. Глаза задерживаются на вывеске возле двери кабинета, и земля уходит из-под ног. Во рту становится сухо, а пульс начинает биться в бешеном ритме.

Достаю телефон из сумки и гуглю знакомую фамилию. Одна строка, вторая, третья… Я сажусь на диван, подавляя желание бежать из этого места. Обычное, простое совпадение, но так не хочется в это верить! Почему из множества организаций у Рябова связи именно в этой? Снова перевожу взгляд на табличку, на которой красивым шрифтом написано: «Багдасарова Дина Сергеевна». Эта женщина – директор и основатель благотворительного фонда «Загадай

желание» – мать Яниса. А его старший брат входит в попечительский совет. Замечательно. Просто превосходно…

Вдохнуть не получается, впрочем, как и уйти. Дверь кабинета открывается, и выходят два молодых человека. Обоих я знаю. Это сыновья Дины Сергеевны. Эрик и Янис. В груди разбухает ком, а перед глазами темнеет. Хочется превратиться в мелкую точку, чтобы не заметили. Опускаю голову и изучаю пол, всячески стараясь сделать вид, что меня здесь нет. Может, пронесет и меня правда никто не заметит? Скажу Дине Сергеевне, что мы отказываемся от секций и я буду искать другие решения, как поставить их на ноги. Что-нибудь придумаю.

– Галина Владимировна, – произносит Эрик и кладет стопку документов на стол, – завтра эти бумаги по «ЮгМеду» отправьте моей жене. Пока буду в командировке, она займется этим вопросом. – А эти пришлите Янису, – показывает пальцем на другую. – С сегодняшнего дня он будет курировать эти проекты.

– Хорошо, – отзывается помощница и следом обращается ко мне: – Алёна Владимировна, вы можете пройти в кабинет. Дина Сергеевна освободилась.

К горлу подкатывает тошнота, когда я поднимаю голову и встречаюсь с глазами Яниса. Контролировать эмоции очень сложно. В памяти еще свежи воспоминания о нашей недавней встрече. Легкие будто наполнили битым стеклом, хорошенько встряхнув.

В прошлый раз не обратила внимание, но сейчас отчетливо вижу, что Янис сбросил несколько килограммов и стал суше. У него все такой же широкий разлет плеч и мощные руки. Высокий рост. Внешне Багдасаров тот же. Но взгляд… Совершенно чужой. Давящий, холодный. От него пробирает мурашками.

Я встаю на ватных ногах с дивана и иду к двери, убеждая себя, что ничего страшного не случилось. Бывают нелепые недоразумения. И сейчас произошло одно из них.

7 глава

Я оглядываю небольшой, но уютный кабинет. Мебели здесь совсем мало. Кожаный диван у стены. Стол, два кресла и аккуратный шкаф. На противоположной стене много фотографий в рамках. Кругом идеальная чистота. Невысокая женщина стоит у окна и с кем-то разговаривает по телефону. Красивая, ухоженная. В строгом черно-белом платье. Ей очень идет этот фасон и оттенок. И не скажешь, что она мать двоих взрослых сыновей. Между нами есть внешнее сходство. Лицо женщины выглядит таким же бледным, как и мое, на фоне жгуче-черных волос.

Застыв у входа, наблюдаю за Диной Сергеевной. Она кивком головы показывает, чтобы я проходила. Принять окончательное решение, сбежать или остаться, сложно. Эмоции в подобных ситуациях плохой советчик. Особенно когда на кону развитие моего личного проекта и рабочие места людей, которым я дала надежду на реализацию их возможностей. Смогу ли я подвести этих людей? Вряд ли. Потому что привыкла отвечать за свои поступки.

Багдасарова завершает разговор и подходит к столу. Берет с него папку, которую на днях в фонд передала Таня, и присаживается в кресло напротив, пока я продолжаю изучать внешность матери Яниса.

– Добрый день, Алёна Владимировна, – вежливо здоровается она в ответ на мое тихое приветствие. – Я посмотрела ваши документы, ознакомилась с бизнес-планом. Мы готовы помочь финансами в реализации вашего социального проекта. – Дина Сергеевна переводит взгляд в ноутбук. – Но есть один нюанс. И очень существенный.

Она быстро перебирает длинными пальцами по клавиатуре, сверяясь с документами, и звонит помощнице, попросив пригласить некоего Семёна Яковлевича.

– Финансирование начнется уже на следующей неделе. Все вопросы будет курировать один из моих замов. Нюанс заключается в том, что у нас некоммерческая организация и строгая отчетность, а у вас в документах указана прибыль.

– Вся прибыль идет на содержание секций. Без этого они бы не просуществовали столько времени, – спокойно поясняю я.

– Если мы будем сотрудничать, то вам придется пойти на наши условия. Они очень выгодные, дискомфорта вы не ощутите. Отчет об использовании денежных средств будет принимать Белов Семён Яковлевич. С ним можно обсудить организационные моменты. Мы собираемся осветить это вложение средств в прессе. Заодно и вам лишняя реклама.

Смутить меня редко кому под силу, но именно это чувство я сейчас испытываю. Я заложница ситуации. Уйти – значит, подставить других людей. Остаться – снова обречь себя на душевную боль, потому что даже одно упоминание о Янисе заставляет болезненно сжиматься сердце.

– Вы указали в документах, что у вас есть еще три секции, предоставили информацию по ним, но я не увидела в бумагах самого важного. В других условиях я бы не задавала подобных вопросов, но хотелось бы знать, откуда у вас стартовый капитал и почему сейчас вы испытываете трудности в реализации своих проектов и обращаетесь в другие организации некоммерческого характера? Кто-то был вашим спонсором? Я интересуюсь этим, потому что поднять подобное дело с нуля непросто. Иметь проблемы с репутацией нам тоже не хотелось бы.

Я чувствую легкий ступор, потому что этим вопросом Дина Сергеевна выбивает почву из-под ног. Все же следовало сразу уйти. Что ответить? Что правая рука вашего мужа и наставник Яниса оказал мне содействие? Ведь именно с подачи Гончарова я стала хозяйкой автомобильного салона, который мой бывший любовник отписал семье Багдасаровых, чтобы рассчитаться с долгами. Я впоследствии салон продала. Купила квартиру, оплатила лечение Димки и и возместила убытки после того, как его бизнес рухнул. Оставшееся запустила в проект.

Снова вспоминаю о том непростом времени, и эти картинки из прошлого как ножом по сердцу. В груди нестерпимо жжет. Даже слова сказать не могу.

– Алёна Владимировна?

– У нас всё прозрачно и чисто. Спонсором был мой любовник. Я попрошу свою помощницу, чтобы она довезла необходимые документы об источниках средств и о том, какие суммы мы направляем на развитие своих трех секций. Или лучше бухгалтера. Они пообщаются с Семёном Яковлевичем.

– Замечательно, – удовлетворенно кивает Дина Сергеевна – Я бы тоже хотела ознакомиться с этими документами. – На минуту она возвращает взгляд к ноутбуку и заносит в него какую-то информацию. – В целом у вас хороший подход к делу. Мне нравится. Галина Владимировна передала утром ваши документы в бухгалтерию. Там для вас сделали новые расчеты. Думаю, у нас получится взаимовыгодное сотрудничество. Могу я задать личный вопрос?

Хочется выскочить из-за стола и сбежать. Куда угодно, лишь бы не отвечать ни на какие вопросы. Тем более личного характера.

– У вас есть дети? – врывается вкрадчивый голос в мое сознание, которое никак не может найти точки опоры, а я – взять себя в руки.

– Да… То есть нет…

Дина Сергеевна отрывает взгляд от ноутбука и задерживает его на мне.

– У меня много детей, – не обращая внимание на першение в горле, отвечаю я. – Впрочем, как и у вас, – киваю на снимки в фоторамках.

На всех Дина Сергеевна стоит с разными детьми, которым помогла излечиться от болезней. У меня тоже много фото с учениками, и я обожаю свою коллекцию.

– Хорошо, – тепло улыбается мать Яниса, и ее лицо преображается, когда с него уходит серьезность. – Я вас поняла.

Через пару минут в кабинет заходит седовласый мужчина в очках и строгом костюме. С большой папкой в руках. Дина Сергеевна кратко вводит его в курс дела и опять звонит помощнице, переключаясь на другие задачи, пока Белов показывает суммы, которые нам готовы пожертвовать. Но с двумя условиями: освещать этот проект в прессе мы будем совместно с благотворительным фондом «Загадай желание», а также необходимо убрать строчку «прибыль» в документах секций, которые я только планирую открывать.

Фактически мне предлагают долгосрочное сотрудничество и рекламу, но есть один немаловажный минус. Это семья Багдасаровых. Я зареклась хоть когда-то иметь к этой фамилии отношение, дала себе обещание не думать и не

вспоминать о Янисе, тем более никогда с ним больше не пересекаться. И до недавнего времени это получалось. Но если случайные и внезапные встречи и дальше продолжатся, то ничем хорошим это не закончится. Может, поговорить с Таней и перепоручить работу и общение со всеми этими людьми из фонда ей? Как один из вариантов. Потому что только дурак откажется от таких теплых и выгодных условий. А еще я не смогу подставить стольких людей, которых уже впрягла в это дело. Но и сама подставляться не хочу. То есть пересекаться с Янисом или его семьей. Просто не хочу. Больно.

– Когда вам будет удобно встретиться в следующий раз? Я подъеду с нашим журналистом. Нужно отснять небольшой материал про ваш проект, чтобы у нас была наглядная картина того, как было до, затем в процессе и после.

Даже так? У меня не будет возможности отказаться? Ну а что я, собственно, хотела? Просила о помощи? Получай, Алёна. Желаниям свойственно сбываться.

– Давайте назначим время на следующей неделе, – мило улыбаюсь Белову, который поправляет очки на переносице и смотрит на меня слегка озадаченным взглядом.

На моем лице нет радости, лишь холодная вежливость. Сегодня же упаду Тане в ноги и попрошу ее присутствовать на этих встречах с человеком Дины Сергеевны вместо меня. Какое-то время. Пока не возьму себя в руки и не успокоюсь.

– Отлично. Вот моя визитка. Буду ждать точной даты и времени, – произносит Белов безапелляционным тоном.

Я выхожу из кабинета, чувствуя себя так, словно стены здания пытаются меня раздавить. Трудно сделать вдох, и руки до сих пор влажные от волнения. В приемной, кроме помощницы, к счастью, никого нет, и меня чуть-чуть отпускает. Не хочу снова встретиться с Яном. Совсем. Это отзывается в груди дикой болью.

Перебирая ногами в туфлях, тороплюсь на улицу, чтобы глотнуть каплю свежего воздуха и успокоиться. Но планам не суждено сбыться. У входа в здание я замечаю Яниса. Они с братом стоят у черного внедорожника и что-то энергично обсуждают. В основном говорит Эрик.

Остаться незамеченной не получается. Две пары глаз устремляются на меня, когда прохожу мимо мужчин, быстро кивнув Янису в знак приветствия. Останавливаюсь возле своей машины и лезу в сумочку за ключом. Пальцы дрожат, и лишь со второй попытки получается попасть в салон. Всячески гоню от себя мысли, что Янис специально задержался, чтобы дождаться, когда я выйду из здания фонда. Если так, то лучше бы он этого не делал. Я со своей стороны предприняла решительные шаги, после которых меня можно только презирать и ненавидеть. Чтобы у Яниса больше и мысли не возникало ко мне подойти.

Осмотревшись по сторонам и не заметив рядом Тани и Андрюшки, набираю Ульянову. Таня говорит, что они ушли гулять в парк неподалеку, обещает прислать координаты и просит туда подъехать. Так даже лучше. Не нужно никого ждать.

Ощущая диссонанс оглушающих эмоций, я завожу двигатель, запретив себе смотреть в сторону черного внедорожника и мужчины из прошлого. На секунду отвлекаюсь на входящее сообщение от Тани с адресом, а когда поднимаю голову, собираясь отъехать от здания благотворительного фонда, слышу стук в окно и невольно вздрагиваю.

Поворачиваюсь, встречаясь с темными глазами Яниса, и по телу прокатывается лихорадочный озноб. Взгляд Багдасарова за секунду меняется: из холодного и отсутствующего становится пронизывающим и оценивающим. Янис ждет, когда я опущу стекло или выйду из машины. Но все, о чем я мечтаю в это мгновение – выжать педаль газа и сорваться прочь.

8 глава

Даю себе пару секунд на то, чтобы собраться с мыслями, делаю глубокий вдох-выдох и опускаю стекло. Больше никакого контакта, тем более прикосновений к себе я не допущу. В прошлый раз каждый из нас утолил любопытство, теперь же пора включать холодный игнор. Нельзя. Выбор сделан.

– У тебя какие-то проблемы? – спрашивает Ян безразличным тоном, но при этом взгляд у него такой, что у меня внутри все сжимается от боли, а к горлу

подступает тяжелый ком.

– О чем ты? – уточняю, ловя себя на том, что эти встречи – изощренная игра на моих нервах. Которые похожи на тонкие струны, готовые порваться от напряжения в любой момент.

– Обычно в фонд люди обращаются не просто так, а за помощью. Когда болеют дети. Ну или ты сам.

Ян смотрит так, словно пытается прочесть мои мысли. Не получится, Багдасаров. Там сейчас каша. Под прицелом проницательных глаз становится крайне неуютно. Мне требуется несколько мгновений, чтобы уловить суть вопроса, как и понять, почему Янис подошел. От этого сердце в груди сжимается еще больнее. К сожалению, я совсем недостойна того, чтобы обо мне беспокоились.

– Нет. К счастью, нет. Это рабочие моменты. – Чувствую, как позвоночник продирает озноб, а руки, находящиеся на руле, начинают дрожать.

Ян выразительно хмурится. Его почему-то не устраивает мой ответ. Почти четыре года прошло, а такое чувство, что между нами вчера все случилось… Разве так бывает?

Не в силах больше выдерживать гипнотический взгляд Багдасарова, я отвожу глаза. От осознания, что он подошел и спросил, всё ли у меня в порядке и для кого я ищу помощь, – получаю новый удар в солнечное сплетение.

В этом отличие между мной и Яном. Он идет напролом, не думает о последствиях, всегда с душой нараспашку и искренней непосредственностью, когда я закрываюсь от мира, включая холодную голову. Наверное, с годами у каждого из нас мало что изменилось в этом плане. Хотя с выдержкой у Багдасарова, кажется, стало получше. Да и я «оттаяла» после появления Андрея. Каждый что-то приобрел. Потеряв. Господи, ну почему же так тяжело? Спустя столько времени!

– В таком случае не советую, – произносит Ян с хрипотцой, и я снова поворачиваюсь.

Багдасаров стоит, вложив руки в карманы брюк, и продолжает меня изучать.

– Что? – произношу, сужая глаза и не понимая, что он имеет в виду.

– Связываться с фондом моей матери не советую. – Взгляд Яна съезжает на мои губы, а потом и чуть ниже – на декольте.

К щекам тут же подкатывает жар, лицо заливает смущением. Но вместе с этим в грудь как будто забивают ржавый гвоздь, а в легкие засыпают кучу битого стекла.

– Почему? – все же решаюсь задать вопрос.

Остатки невозмутимости вот-вот разрушатся в пыль, но я каким-то чудом держусь.

– А сама как думаешь?

– Ничего не думаю. Я не знала, что фонд, в который меня направили, принадлежит твоей матери. Но если бы узнала об этом чуть раньше, – киваю в сторону здания, – то этой встречи сейчас не произошло бы. Впредь мы не будем никак с тобой пересекаться, у меня работают помощники. И… если ты помнишь, я привыкла из всего извлекать выгоду. По максимуму. Поэтому в твоих советах не нуждаюсь.

Становится немного не по себе после этой речи, но вида не подаю. Пусть и дальше думает, что я стерва.

Повисает пауза. Ян громко хмыкает, закусив щеку, и прожигает меня глазами. В которых теперь плещется злость. Значит, не ошиблась? Это маска. Ян все такой же неуправляемый, каким был? Ничего не меняется, да?

– Пожалеешь ведь, Алёна, – в голосе Багдасарова проскальзывают насмешка и предостережение.

С языка чуть не соскакивает «Уже пожалела», но я вовремя себя останавливаю. Если наши встречи начнут носить постоянный характер, то ничем хорошим это

не закончится, да. Может, Яну пора улетать?

Наверное, нужно заканчивать этот диалог. В привычной для себя манере. За эти годы я прокачала умение отшивать мужчин до профессионального уровня.

– Нет, не пожалею, – говорю твердо. – Отказываться от выгодного сотрудничества из-за того, что в прошлом у нас была интрижка, я не собираюсь. Мы взрослые люди. Продолжим делать вид, что просто давние знакомые, и сведем наше общение к минимуму. Надеюсь, я ответила на все твои вопросы. Извини, тороплюсь.

Если бы нас не разъединяло стекло, то, скорее всего, Ян бы уже вцепился в мой локоть и хорошенько встряхнул, обозвав каким-нибудь ругательным словом. Я говорю это, чтобы он ушел и выбросил из головы все мысли на мой счет. Абсолютно все. Какими бы они ни были. Хорошими или плохими. Но, судя по тому, что вижу в глазах напротив, меня ждет фиаско. Не выбросит.

– Я недавно навел справки про одного человека и таким образом узнал о твоем несчастье. Наверное, сильно переживала, да?

По тому, сколько презрения в голосе Яна, сразу становится очевидно, о ком идет речь.

– Да, переживала. И до сих пор не могу с этим смириться, – быстро киваю я.

Янис насмешливо щурится.

– Поэтому нашла утешение в объятиях нового ухажера, пока Слуцкий проводит время на нарах? – язвительно осведомляется он.

– Да, всё именно так, – подтверждаю. – Антону дали приличный срок за его преступные махинации. А я встретила хорошего человека. Жизнь продолжается.

Надеюсь, в том сроке, который дали Слуцкому, наказание и за то, что он берет девушек против их воли. К слову, Гончаров выполнил свое обещание. Обходными путями. Не сразу. Но выполнил. Впрочем, мне уже все равно.

Ян нагло усмехается, и мне не нравится, как он сейчас смотрит на меня. Совсем не нравится. Потому что в его глазах нет ненависти. Но есть азарт. И жадность. Я уже отвыкла чувствовать нечто подобное рядом с мужчинами. С Багдасаровым иначе все ощущается. Столь сильных эмоций я больше ни с кем не испытывала. Даже близко.

– Ладно. Не смею отвлекать. Было приятно тебя увидеть. Ты почти не изменилась. Внешне так точно.

Я ничего не отвечаю. Поднимаю стекло, концентрируясь на том, чтобы плавно тронуться с места и не показать, как сильно нервничаю. Краем зрения замечаю, как Ян достает из кармана пачку сигарет, зубами вытягивает одну, не переставая задумчиво на меня смотреть.

Выжав педаль газа, резко срываюсь в сторону выезда с парковки, подальше от своего прошлого. Невыносимая слабость охватывает все тело. Внутри столько чувств и воспоминаний, что невозможно ни вдохнуть, ни выдохнуть. Остановившись у входа в парк, я смотрю на себя в отражении зеркала заднего вида. Глаза мертвые и неживые. Всё, как и снилось Яну. Внешне та же, а внутри давно пустота.

Перевожу взгляд на зеленые деревья, людей, яркую вывеску на здании. Вглядываюсь в окружающую обстановку, потом зажмуриваюсь, но легче не становится. В ушах по-прежнему звучит голос Яниса, а перед глазами стоит его лицо. Столько раз я возвращалась в прошлое, больше не хочу. То есть снова. Наши пути с Багдасаровым разошлись. Мы по-прежнему с разных орбит.

Поставив машину на сигнализацию, я захожу в парк. Андрея и Таню нахожу у пруда. Погода стоит замечательная, хотя утром обещали дождь. Может, к вечеру сорвется? Было бы превосходно. Не хочу идти на детскую площадку, с которой Андрея не увести в последнее время. Он безумно ревнует свою подружку к новому мальчику. Стас недавно переехал с родителями в наш дом, и мой проказник постоянно задевает соседа.

Я останавливаюсь рядом с Ульяновой, которая с кем-то разговаривает по телефону, и несколько минут наблюдаю, как Андрей бросает камешки в воду и недовольно при этом пыхтит, когда не получается закинуть их подальше. Силенок маловато. Но зато упрямства хоть отбавляй. Которое постоянно вылазит

нам боком. И боевыми шрамами. Интересно, у ребенка сам по себе такой сложный характер или это из-за обстоятельств, в которых мы оказались с Андреем? Плохо, что мальчишка растет без отца. Но я стараюсь за двоих. Изо всех сил.

– Ну как прошла встреча? – спрашивает Таня, завершив разговор. – Есть обнадеживающие новости?

– Есть. С нами хотят сотрудничать и вкладывать в наш проект деньги. Единственное, у меня будет к тебе просьба…

– Я вся внимание, – загорается любопытством Ульянова.

За что ее обожаю – Таня всё схватывает на лету и за любой движ берется, не раздумывая. Таких в моей команде достаточно. Я каждого отбирала с особой тщательностью и не люблю от себя отпускать.

– Выставили ряд условий по документации. Пойдем им на уступки, там мелочи. Нюанс заключается в том, что фонд собирается освещать в прессе каждый свой шаг по поддержке социального проекта. А я маячить нигде не хочу. Если только мельком и в общих чертах. Возьмешь на себя сотрудничество с людьми из фонда и будешь давать интервью вместо меня?

– Всего-то? Да запросто, – соглашается Таня. – Только не раньше, чем через пару недель. Если ты не забыла, у меня свадьба на носу, и пропустить собственное торжество я не могу. Игорь мне этого не простит, – широко улыбается она, обнимая меня за плечи. – Как только мы свяжем себя узами брака и чуть отдохнем от предсвадебной шумихи, я вся твоя.

– А как же отпуск?

– Ну с такими новостями он подождет. Да и у Игоря не получится. Позже куда-нибудь смотаемся. А ваш, кстати, с Андреем в силе?

– Наш – в силе. Я уже пообещала мелочи полетать на самолете и даже купила путевки. Через пару недель будем загорать на море.

– Ну вот как раз на моей свадьбе отгуляем, и пост сдал – пост принял. Да?

– Ну да… – отзываюсь я, чувствуя опять тревожное волнение.

Надеюсь, эти пару недель пройдут без происшествий.

Но о подобном даже думать нельзя! Сколько раз зарекалась проводить такие параллели. Все последующие события происходят очень быстро и на моих глазах. За считаные секунды. Я лишь в последний момент замечаю, как Андрей, оступившись, летит на землю и ударяется локтем о булыжник, лежащий на берегу.

Забыв обо всем на свете, о том, что я на высоких каблуках, бросаю телефон и ключи от машины на траву и кидаюсь к сыну, присаживаясь перед ним.

– Андрюша, – зову его, пока он скулит и завывает от боли, держась ладошкой за руку. – Сынок… Болит?

– Да. Очень, – громко хнычет Андрей, и по бледному личику текут ручьи слез.

Сердце от страха проваливается в пятки. Господи… Неужели опять в травму ехать? Только бы не перелом. Пожалуйста!

9 глава

– Кто такая? – спрашивает Эрик, когда я возвращаюсь к машине, докурив сигарету.

Щелчком пальцев отбрасываю бычок в сторону и усмехаюсь, вспоминая растерянные черные глаза Алёны в обрамлении густых ресниц. Кто?.. Интересный вопрос. На который у меня нет ответа. Но есть четкое понимание, что я от нее хочу.

В жизни у каждого человека есть принципы. Не бросать друга в беде, не давать близких в обиду, не врать, не бухать, когда за рулем, – их может быть огромное множество. И что самое интересное, этого никто в мозги не вживляет. Само приходит, с опытом и пониманием своих границ. Через которые порой не переступить. Но можно иногда сделать исключение, когда хочется натуральных эмоций. Правда за этим могут последовать самые непредсказуемые события. А впрочем, пусть следуют. Пора внести в жизнь немного черных красок и разбавить приевшуюся рутину. Никто ведь не знает, что на уме у бабы, которой прищемят хвост, так же?

– Неважно, – отмазываюсь я от вопроса Эрика и достаю телефон. – К матери поднимусь на тет-а-тет, – киваю в сторону входа в здание. – А вечером к вам заеду. На чай. С новой игрушкой.

– Один или с той блондинкой?

– Без. Белобрысого потискать хочу.

Эрик-младший на удивление – абсолютная копия своей матери. Блондинов у нас в семье еще не было. До появления Регины. Теперь их целых два: жена брата и их общий сын.

Мы прощаемся с Эриком и расходимся кто куда. Брат садится в машину, а я направляюсь в фонд, набирая секретаршу. Прошу Инну сбросить список встреч на ближайшие неделю-две и отменить все командировки на месяц. Перекину на Володю пока часть обязанностей.

Прежде чем зайти к матери, которая не вылезает из своих бумаг и работы, листаю пальцем длинный список срочных дел. Без понятия, как всё совмещать, но «Не пожалею» от черноволосой красавицы хочется обломать на корню. Понимаю, что не нужно ничего ворошить, дергать Алёну спустя столько времени, а с другой стороны, почему нет? Это как чувственный и захватывающий аттракцион. Хочу на нем прокатиться. Даже если потом опять укачает.

– Что-то забыл, Янис? – спрашивает мать, заметив меня в дверях.

– Да, ты меня не поцеловала на прощание.

Дина Сергеевна выразительно хмурится.

– Говори, зачем пришел, – требует серьезным тоном.

– Девушка черненькая. По рабочему вопросу обращалась сегодня. Буквально десять минут назад. Что за проект? – в лоб задаю я вопрос.

– О, ты знаешь, это прям то, что нам необходимо. Мы как раз недавно с Галей обсуждали, что не хватает информационного охвата. Искали что-то свежее, цепляющее, но не затрагивающее тему болезней и безнадежных ситуаций.

Мать отвлекается от разговора, отвечая на входящий звонок, и поднимает палец вверх, чтобы я не издавал лишних звуков. Перевожу взгляд в окно, закусив щеку.

Интересно, что же там за такой цепляющий проект? Как и его хозяйка. Не изменилась Алёна с годами. Совсем. Наоборот. Лишь привлекательнее и женственнее стала за эти годы. Но льда в глазах… Замораживает одним взглядом.

– Так вот, – возвращается мать к разговору. – Секции по фигурному катанию для детей из неблагополучных семей девушка ведет. И вполне удачно. Галя провела анализ, подбила показатели. Такого у нас еще не было, поэтому мы согласились финансово помочь. Девушка работает в команде, уже подняла три секции фигурного катания и собирается открыть еще две – в Люберцах и Мытищах. А ты, собственно, почему интересуешься? – спрашивает она спокойно.

Фигурное катание, значит. Не забывает мечту Алёна. Я тоже.

– Эрик сказал, что младшего хочет отдать в фигурное катание. Ты в курсе? – перевожу тему, делая отвлекающий маневр.

– Что? – Брови матери ожидаемо взмывают вверх.

– У них с Региной постоянный движ в отношениях. Чем тебе не неблагополучная семья? Надо выбить квоту на будущее в секции твоей новой подопечной. С таким подходом к воспитанию их точно лишат родительских прав. Ты же в курсе, что

они Рика уже записали в кружок альпинизма? А того младенца, который скоро родится, в секцию прыжков с парашютом планируют отдать в будущем.

Лицо матери багровеет от эмоций.

– Клянусь. Буквально вчера слышал, как они это обсуждали на кухне за чаем, – снова провоцирую я.

Мой юмор в семье в последнее время воспринимается в штыки. Причинно-следственные связи прослеживаются, но это лишь верхушка айсберга. Отец бы еще больше загрузил работой, чтобы я и имя собственное забыл.

– Не смешно, Янис. У Эрика с Региной нормальная семья. Девочке памятник нужно поставить при жизни, что терпит характер твоего брата. Да еще и вторым беременна…

– Рожденный ползать – летать не сможет. То есть наоборот. Короче. Органы опеки я бы не сбрасывал со счетов. Рано или поздно они к Эрику и Регине нагрянут при таком подходе к воспитанию детей. А твои слова сейчас обижают. Значит, я терпел характер брата столько лет, и даже спасибо никто не сказал, а Рине теперь все почести и памятник при жизни? Где справедливость? – на полном серьезе любопытствую я.

– Пожалей девочку, Ян. Ей до конца дней с ним мучиться. И тебя бы тоже не мешало пристроить в хорошие руки. Буду ходить свечки за девочек ставить каждое воскресенье. Аминь, – заключает мать.

Я-то думаю, в кого у меня такой странный юмор и деловая хватка. Похоже, сам в сухаря превращаюсь. Чокнутой, жене Эрика, и впрямь иногда свечку охота поставить за здравие. Что терпит брата и его характер.

– Говори, зачем пришел, – требует мать и стучит острым ноготком по столу. – У меня мало времени. Скоро новая встреча.

– Отдай мне проект черноволосой, – прошу я.

– Зачем? – удивляется мать. – Разве тебя отец мало загрузил? Ты дома почти не появляешься. К тому же Гончаров больше не будет тебе помогать. Один всё тянуть хочешь? А справишься?

– Загрузил сильно, – соглашаюсь я, снова задумавшись.

Гончаров с недавних пор в олигархи подался, а я теперь за себя и за вон того парня – на все руки от скуки. Но проект Алёны хочу себе. Буду как индийская Шива: всё успевать и координировать работу в нескольких руках. Готов даже не спать ночами. Хотя желательно не спать по другому поводу, а не из-за бесконечных дел. Надеюсь, это лишь вопрос времени – когда я поверну всё в свою пользу с секциями Шипиевой и сотру пальцем это «Не пожалею», которое сорвалось с пухлых губ. Пожалеешь, Алёна.

– Я потяну, – говорю после паузы. – У меня свои интересы.

– Ну если так принципиально, – пожимает мать плечами, – то к Белову иди. Я ему поручила вести этот проект. Он тебе с радостью всё передаст. У него и без того хватает забот. Но ты бы тоже не распалялся, сынок. Смотри, как похудел. Щеки впали, цвет лица серый, и круги под глазами появились…

– Это из-за недосыпа и спорта. Тренируюсь часто.

– Кстати, про спорт. Я против того, что ты вернулся в бокс и к активным тренировкам. Зачем так рисковать? Тебя в челюсть ударят, и на месяц с головными болями опять сляжешь. Завязывай, Янис, – мягко просит мать.

Я молча поднимаюсь на ноги. Лучше бы и дальше строила из себя делового сухаря. Сам о себе позабочусь. Без лишней нервотрепки.

– Услышал вас, Дина Сергеевна, – сухо констатирую. – Отчет о секциях Алёны Владимировны будет у вас на столе, как ознакомлюсь с ним. На днях съезжу и посмотрю, что там к чему. Всё сделаю по высшему разряду, – заверяю я.

– Так, стоп, – выдает она решительно. – Вообще-то я не называла имени девушки.

– Я с духами пообщался, подсказали. – Наигранно округляю глаза, напуская на себя таинственный вид. – Всё, пока, Дина Сергеевна. Мне нужно заглянуть к Белову, дел невпроворот. Еще и к Эрику обещался вечером заехать.

– Беленького поцелуй от меня, – летит мне в спину.

– Могла бы и сама заехать.

– Я без тебя разберусь, когда мне заехать к Регине и Эрику. – Дина Сергеевна кивает мне на дверь.

Удивительно, в кого мы с Эриком такие безбашенные трудоголики… Это не Регине памятник нужно ставить, а нам с братом. Выжили же как-то в тяжелых условиях. Наверное, благодаря ласковой и трепетной бабуле. А по сути, все время были бесхозными детьми. С моими иначе сложится. Каждого в зубах таскать буду, чтобы не чувствовали себя ненужными.

Я хлопаю дверью и иду в кабинет к Белову. С ним диалог строится куда быстрее и плодотворное, чем с матерью. Семен Яковлевич лишь только за, чтобы ему помогли и забрали часть работы. Ну и мне тоже выгода. Прошу Белова сбросить на почту моей секретарше всю информацию по секциям Алёны и сообщить, когда и где состоится первая съемка с журналистами. Высплюсь накануне этого мероприятия. А то цвет лица у меня и впрямь серый, а вид замученный.

Остаток дня кручусь в нескончаемом потоке дел и лишь поздним вечером выбираюсь к Эрику в гости. Надеюсь, белобрысик еще не спит. Никогда бы не подумал, что мне так понравится возиться с детьми, но это, оказывается, как наркотик. Постоянно мало, хочется новой дозы и еще больше искренних улыбок.

– Привет. – Открыв дверь, Рина пропускает меня в квартиру.

Выглядит уставшей и замученной, похудела килограмм на пять за месяц, не меньше. Глаза красные. Токсикоз ее жестко рубит.

– Как самочувствие? – интересуюсь я, разуваясь.

– Отвратительное, – тихо отвечает она. – Постоянно тошнит. Рик в детской. С няней. Я пока полежу. Вы там сами. Хорошо? Только руки помой.

– Окей, – отзываюсь я, провожая бледную тень долгим взглядом.

В первую беременность Рина ходила куда бодрее. Сейчас же передвигается исключительно по стеночке, работает из дома и глаза все время на мокром месте. Стоит ей увидеть какую-то грустную новость, тут же начинает рыдать. Неужели у всех женщин, которые находятся в положении, так? Кошмар какой.

Я прохожу в гостиную и наблюдаю за Эриком-младшим. Живчик такой. Весь в родителей. И что самое главное – розовощекий блондин.

Мелочь сидит на полу и с сосредоточенным лицом собирает пирамидку. Я быстро киваю няне в знак приветствия и присаживаюсь на корточки перед малышом.

– Эй, Рик, – зову, показывая ему игрушку.

Племянник улыбается, когда замечает меня, демонстрируя мелкие и редкие зубы. Тут же поднимается на ноги и неуклюже семенит ко мне, протягивая руки к игрушке.

– Как дела, парень?

Я опускаюсь на пол и обнимаю маленькое тельце, вдыхая неповторимый сладкий запах. Усаживаю пацаненка себе на колени.

– Капризничает весь день. Регине Романовне плохо, а он скучает, – отвечает няня вместо Рика, вставая с дивана. – Вы пока посмотрите за ним, а я пойду сварю ему кашу.

Молча киваю и снова переключаю внимание на ребенка. Пока катался по заграницам, расширяя семейный бизнес и прикрывая дыры в делах отца, брат времени даром не терял – первенца замутил с чокнутой и второго ей по-быстрому сделал. Порой, глядя на их семейную идиллию, я и впрямь ощущаю себя «бракованным фейерверком», который отсырел, стоя бесхозным в ящике в темном углу.

––

История про Эрика и Регину называется «Скандальная связь».

10 глава

– По-братски прошу. Я зашиваюсь, Ян. Командировка на носу, няня и Рина полегли. Вся надежда на тебя. – Эрик вручает мне в руки своего сына и сумку со всякой детской фигней.

Смотрит при этом жалостливыми глазами, будто от меня зависит будущее его семьи. Хотя так оно и есть в данную минуту. Рик скоро папой меня начнет называть. А я не буду его поправлять. Один отец хорошо, а два лучше.

Ребенка принимаю, а сумку нет. Показываю глазами, чтобы Эрик бросил ее на пол.

– А Дине Сергеевне не пробовал активировать режим бабушки? – интересуюсь я.

– Улетела. Три дня матери в городе не будет, – заключает Эрик.

– А политическому деятелю?

– Вместе они улетели. Ну так что? Оставляю? Наверное, бабулю с Римом придется вызывать на подмогу.

– У меня, если что, сиськи нет. Кормить его как? А если потом в больницу загремит, после моего ухода? Я лишь по организационной части ас, ты же знаешь.

– Ты меня выхаживал, помнишь? Тут примерно тот же принцип. Не дрейфь. Интернет тебе в помощь. А ест Эрик уже ложкой. Бутылочку положил, чтобы смесь на ночь дал.

– На какую ночь? Вообще-то у меня сегодня законный выходной.

– По-братски, а? Завал у меня на работе. Дел выше крыши, полуживая жена, которая на капельницах и беременна вторым. А у тебя ни сзади, ни спереди. Выручай.

Рик улыбается, когда я ему подмигиваю, и что-то лепечет на своем, непонятном.

Тычет пальцем в синяк у меня на подбородке. Вчера на тренировке прилетело. До сих пор челюсть сводит, когда улыбаюсь. Данилов не рассчитал силу удара, а я пропустил. Спасибо, что зубы не выбил.

– Попал к непутевым родителям, мученик, да? – улыбаюсь мелкому в ответ и убираю его руку от своего лица. – На телефоне будь, – прошу брата, закрывая за ним дверь и прикидывая в уме, что в квартире занять мне Эрика-младшего, по сути, и нечем.

Рыбками можно было бы. Но нет их давно. А больше никаких развлечений здесь не имеется. Лишь ноутбук и тренажеры. Даже детского кресла нет. С таким раскладом к себе бы домой лучше позвали. Если бы сам не видел, как плохо Регине, то решил бы, что Эрик с женой в загул ушли, а мелочь скинули на доверчивого лоха. Но там и правда не до веселья сейчас. Ни Регине, ни Эрику. Ни их сыну. Потому что так себе из меня нянь.

– Ну и что мне с тобой делать? – Я ставлю Рика на пол и озадаченно провожу рукой по лбу, пока племяш вертит головой в разные стороны и думает, куда бы ему податься в первую очередь. – Новая обстановка, да, парень? И не нашкодничать особо. Папаша твой хоть бы игрушек каких привез, – ворчу себе под нос. – Мы же к вечеру здесь камня на камне не оставим от скуки.

Я недавно вернулся, лишь успел клининг вызвать. Хотя бы чистота кругом. На этом все плюсы заканчиваются. Без понятия, чем развлекать мелочь. За ручку по комнатам водить, пока Рик не выдохнется? Тогда лучше в парк поехать, как раз погода стоит отличная. Нагуляется, потом, может, заснет. Если повезет.

Лезу в телефон и звоню Веронике. Она ожидаемо соглашается приехать и чуть ли не визжит от радости в трубку, когда я говорю слово «Выходной» и следом: «Давай проведем его вместе». Кого-то сегодня ждет облом. Я специально

умолчал о том, что дома годовалый карапуз, а «Вместе проведем время» – это где-нибудь втроем, а не в моей спальне.

– Но куда деваться. Своих не бросаем, да? – обращаюсь к Рику, которого усаживаю на столешницу и разрешаю помучить кофемашину.

Ника приезжает через двадцать минут. Наверное, все же стоило ей намекнуть, что день мы проведем в парке или где-то в городе. Не представляю, как она будет щеголять по аллее на таких каблуках и в ажурных чулках. Ладно, по пути куча магазинов, а я не жадный. Что-нибудь придумаем.

– Привет. – Ника замечает выбежавшего за мной в прихожую ребенка, и ее лицо вытягивается. – Ты не один?

– Не один. Выходной мы проведем с ним. Поможешь?

– Да-а… – Она заходит в квартиру и сбрасывает с себя туфли, переводит на меня возмущенный взгляд. – Багдасаров, мог бы предупредить заранее! Я же нарядилась, как на…

– Случку? – Насмешливо приподнимаю бровь и улыбаюсь шире, когда Ника смущается.

– На нее самую!

– Она сегодня отменяется. – Я беру Рика на руки и, закрыв дверь за своей гостьей, иду в гостиную. – Сейчас ты сваришь нам обед, потом Рик поест и мы пойдем в парк. В нескольких километрах от дома открыли новый. Я листовку увидел в подъезде.

– А коляска?

Все-таки у женщин это в крови – забота о младенцах. Я об этом даже и не подумал. Набираю брата по сотовому. Эрик отчитывается, что коляска уже лежит в моем багажнике. Оперативно. То есть возможности отказаться у меня изначально не было?

– Как бы, друг, ты ко мне до рождения брата или сестры не переехал, – нашептываю Эрику-младшему на ухо, а он опять улыбается.

Не ребенок, а чудо. Все время в хорошем настроении. А мне что-то не до веселья. Сейчас Рик заснет, и бабуле позвоню, пожалуюсь, что со всех сторон зажимают. Неужели я больше ни на что не гожусь, кроме как взваливать на свои плечи коллективную ответственность? Вроде младших должны больше любить, а все почести в нашей семье почему-то старшему, а не мне. Это из-за смерти Эльки и того падения Эрика со скалы?

– Так, с коляской решили вопрос, – удовлетворенно кивает Ника и грустно вздыхает. – Обед я сварю. Справимся. – Она присаживается на корточки перед Риком, и он тут же тычет в ее накрашенные губы пальцем, размазывая помаду по лицу.

Это я научил. Рина недавно на работу собиралась. Накрашенная и красивая. С ярким пухлым ртом. Я спросил Эрика-младшего, настоящие ли у мамы губы. Теперь он у всех проверяет.

Ника опять вздыхает, затем выпрямляется и идет в ванную, тщательно моет руки, потом снимает с себя чулки, достает из сумки косметичку. Собирает волосы в высокий хвост и выходит к нам.

– Чтобы за волосы не дергал и чулки не порвал, – поясняет она, заметив мой недоумевающий взгляд.

Ника совершает все манипуляции с такой уверенностью, что вопрос назревает сам собой:

– У тебя есть опыт общения с детьми?

– Чуть-чуть. На день моих знаний хватит. Но с натяжкой.

– Как бы товарищ с ночевкой не остался…

Брови Ники ползут вверх. Рот удивленно приоткрывается.

– А родители его где? Что за порядки у вас в семье? Часто такое практикуете? Он же еще совсем кроха! – возмущается она.

– Мы сегодня с тобой за родителей. Если ты не готова примерить на себя эту роль, то еще не поздно уйти и оставить меня в одиночестве, – парирую с издевкой.

– Если бы заранее предупредил, то обязательно отмазалась бы, – заверяет Ника и идет в прихожую за сумкой с вещами Рика. – А теперь не брошу. Ребенка жалко. Угробишь ведь.

Она долго перебирает вещи в сумке, затем достает бутылку, тарелку. И даже пустышку находит, которая тут же отправляется в рот Эрика.

– Давай его покормим и в парк. Дома с ним с ума сойти можно. Рик нагуляется и поспит. Мы на лавочке как старички посидим, – озвучивает мои мысли Ника. – Кстати, ты обратил внимание, как мы с ним похожи? – улыбается моя гостья.

– Цветом волос?

– Угу.

Ника идет на кухню и готовит Эрику-младшему суп, варит макароны.

– А котлет пожаришь? – спрашиваю я, наблюдая, как она быстро со всем справляется.

– Если бы фарш у тебя был в холодильнике, а не повешенная мышь, то пожарила бы. Доставку себе организуй, пиццу там или что ты любишь? Я тебе не домохозяйка.

– Не люблю пиццу, – морщусь я.

– Тогда ешь макароны с сахаром и голый суп. – Ника ставит передо мной и Риком две тарелки.

Мы кормим Эрика-младшего и выдвигаемся в парк. Пешком. Со стороны и впрямь похожи на молодых родителей. Но не хочется проводить подобные параллели. Кажется, после сегодняшнего дня и ночи я пересмотрю свои взгляды относительно отцовства. Быть дядей Рика хватит пока за глаза.

– А в целом он спокойный ребенок, – говорит Ника, помогая Эрику катить коляску. – Мне нравится. Родители у него тоже такие?

– Нет. Активные. Сын у них пока, к счастью, не такой шнырь. Наверное, в животе у матери парня укачало. Еще до рождения. Поэтому Рик за малоподвижный образ жизни.

Вероника смеется и нежно обнимает меня за плечи. Ластится как кошка. Но эти движения не вызывают внутри никаких эмоций.

Увлекшись легкомысленной болтовней, мы оба не замечаем мелкого черноволосого парня с гипсом на руке, который врезается на всем ходу в коляску, и ребятня, столкнувшись лбами, отскакивает в разные стороны. Эрик начинает реветь, схватившись за голову. Черный пацан шипит и стонет от боли.

Быстрее всех в себя приходит Ника. Подхватывает белобрысика на руки и успокаивает. Я склоняюсь над загипсованным и помогаю ему встать, подхватив за подмышки.

– Ушибся? – спрашиваю.

Пацан недовольно сдвигает брови, замораживая меня взглядом.

– Извините, – едва сдерживая слезы, лепечет он, разворачивается и, схватившись здоровой рукой за гипс, бежит по аллее к дальней лавочке.

Проследив за ним глазами, я замираю на месте, когда вижу знакомое лицо. Настя, подруга Алёны, обнимает подбежавшего к ней пацана и что-то ему говорит, поглаживая по голове и утешая. Следом появляется Алёна. Но не одна, а в сопровождении Неймана и девочки, которая держит в руках две палочки со сладкой ватой.

Какая идиллия, посмотрите-ка…

– Ян, ты чего застыл? – Ника касается меня рукой. – С Эриком всё в порядке. Идем?

– Сейчас…

Я замечаю, как темноволосый мальчишка ластится то к Насте, то к Алёне, а потом показывает в нашу сторону пальцем и снова хватается за гипс, сильно морщась. Неужели так больно? Аккуратнее нужно быть.

Отвожу от него глаза и смотрю на Алёну. Мы встречаемся с Шипиевой взглядом. Он у нее такой же дикий и замораживающий, как у пацана. С Настей у мальчишки тоже сильное сходство – все трое темные. Интересно, чей это сын? Племянницу Неймана я видел пару раз: лично знаком с сестрой Генриха. Дэлия и ее муж – наши деловые партнеры, которые недавно перебрались в Россию.

– Я-янис, – нетерпеливо тянет Ника.

Алёна переводит глаза на мою спутницу. Хоть бы одна эмоция промелькнула на ее лице: разочарование, удивление, растерянность, вина. Но там абсолютно ничего. Пустота. Это злит неимоверно. Даже объяснить толком не могу почему. Наверное, потому что я чувствую непрекращающиеся вибрации на коже, когда ее вижу? Ведь столько времени прошло, по идее должен был остыть. Но это не так. После нашего расставания первое время была жуткая ломка. От картинок, как Алёна развлекалась на отдыхе со своим бывшим любовником, сносило крышу и бросало в крайности. Даже вспоминать не хочу.

Зло отворачиваюсь, беря Эрика на руки. Бесит смотреть на ничего не выражающее лицо человека, к ногам которого готов был бросить целый мир. Но о мои чувства вытерли грязные ноги.

Рик обнимает меня за шею и кладет голову на плечо. Говорит, что хочет «бай-бай».

– Устал, – констатирует Ника и следом за Эриком-младшим прижимается ко мне с другой стороны. – Кажется, ушатали. Можем ехать домой. Или посидеть на

лавочке и поесть мороженое.

Слегка обернувшись и поймав внимательный взгляд Алёны, усмехаюсь. Невозмутимости на красивом лице как не бывало. Теперь на нем смятение, а глаза заинтересованно изучают мою спутницу и ребенка. Жаль, насладиться растерянностью девушки из прошлого я не успеваю. Шипиева берет себя в руки и поворачивается к нам спиной, переключая внимание на черноволосого пацана и племянницу Неймана. Краем глаза замечаю, как Алёна счастливо улыбается, наблюдая за детьми, которые с аппетитом уплетают сладкую вату.

Выдохнув, я сажаю Рика в коляску и тру грудь. Все, чего хочется в это мгновение – уйти из парка к херам и не видеть радостное и безмятежное выражение лица Алёны, когда она находится рядом с другим.

11 глава

Я нервно стучу пальцем по кожаной обивке руля, находясь на парковке спортивной школы, где сегодня будет сниматься материал для нашего фонда, и наблюдаю за Шипиевой, то есть уже Ковалёвой. Алёна с кем-то говорит по телефону, стоя возле своей машины.

Из головы не идет вчерашняя встреча в парке. После которой меня еще долго потряхивало. Мысли возникали одна хуже другой, и руки сами собой в кулаки сжимались. Особенно после изучения всех бумаг, которые я запросил у Беляева. А что, если ребенок действительно Алёны? Ну если допустить это, она поэтому тогда ушла от меня? Залетела от Слуцкого? Узнала о беременности и закончила наши отношения? Таким вот отвратительным способом? Сколько мы от силы провели времени вместе? Месяц, полтора? Да ну, бред… Алёна бы сказала как есть, объяснила причину. И почему Гончаров ни разу не обозначил никак, что у нее есть ребенок? Зачем говорил, что у Шипиевой всё хорошо, что Алёна ждет любовника с зоны? Шипиева, может, и ждет, а Ковалёва? Брехливая ты сука, Костя, оказывается, да? На два фронта вел работу? Заеду к тебе вечером на пару вопросов.

Алёна замечает меня и выразительно хмурится, не отводя глаз от лобового стекла, а потом возвращает лицу невозмутимый вид. Как вчера в парке. Жаль,

ларька со сладостями поблизости нигде нет, сбегал бы за сладкой ватой. Может, Алёна и мне тогда безмятежно улыбнулась бы, как тем детям и Нейману? Особенно Нейману… Неужели моя злость на всех ее хахалей будет распространяться? Любого, кто ошивается рядом, стер бы в порошок. Сука, а ведь ничего с годами не меняется. Лучше бы не прилетал, честное слово. Правильно говорят: с глаз долой, из сердца вон.

Завершив разговор, Алёна ставит машину на сигнализацию. Я выхожу из своей и преграждаю ей путь, думая о том, что совершаю ошибку. Непоправимую. Чуйка ведь никогда не подводила. Она что в первый раз, что сейчас настаивает?: «Не напирай, Ян. Оставь всё как есть». Но когда я слушал? Да и как рядом с такой держать себя в руках, когда все чувства обостряются, стоит лишь увидеть бледное лицо и копну черных волос? Наркотик в чистом виде.

– Привет. Буду вести твой проект вместе с Беловым, ты не против? – в лоб спрашиваю я, наблюдая за реакцией Алёны. – Точнее, вместо него, – поправляю себя, прищуривая глаза.

– Не советую, – парирует язва, возвращая мне мои же слова и добавляет: – Пожалеешь, Ян.

Красочные варианты того, что хотелось бы сделать, чтобы это «Пожалеешь» обоим стоило потраченных нервов, проносятся в голове и отдают в пах. Помешательство, ей-богу. Ну что в этой стерве такого необычного? Почему именно она?

– Янис.

– Что? – Алёна непонимающе смотрит мне в лицо.

– Артурович. Будешь так ко мне теперь обращаться, – произношу со сталью в голосе, напуская на себя серьезный вид. – Я же снова главный, так, Алёна?

В черных глазах на доли секунд проносится паника.

– Я не знаю, что ты задумал, но не нужно. Янис. Артурович. Ты, кажется, стал семейным человеком? Зачем портить себе репутацию, правда? – предостерегает

Шипиева.

– Не переживай за мою репутацию. Мне на нее плевать, а тебе и подавно должно быть, да? – нагло подмигиваю я и делаю шаг вперед. – Но, если что, на дно вместе пойдем. За собой утащу. Все равно терять большое нечего.

Мы играем словами в пинг-понг. Но это почему-то не раздражает, а заводит. Очень сильно заводит. Бывших наркоманов не бывает, увы.

– Мне – да, а вот тебе есть что терять.

– Это не тебе решать, с чем я готов расстаться, а с чем нет.

Алёна заметно напрягается. Гордо вскидывает подбородок. Ехидничать больше не возникает желания? Не пойму, приятно ли мне осознавать, что она меня боится. Или вовсе не меня? Может, ее тоже ни от кого так не вставляло за все эти годы? Какие-то эмоции улеглись, да, но от физиологии не убежать. Я по-прежнему хочу Алёну. А она меня?

– Зачем тебе это? – тихо спрашивает Шипиева-Ковалёва.

Хороший вопрос. Но мой ответ Алёне не понравится. Он даже мне не нравится. Едва сдерживаюсь, чтобы не сделать еще шаг навстречу, желая проявить твердые знаки внимания со своей стороны, которые давят на ширинку. От одной мысли, что я знаю, что скрывается под этой строгой одеждой и какой Алёна может быть отзывчивой и сексуальной, какие у нее длинные и стройные ноги, на одной из которых есть татуировка, по телу опять бегут мурашки, а кожу обдает жаром. Сука-а…

– Мне не нравится, как ты на меня смотришь, – смущается Алёна. – К тому же если та девушка и ребенок твои…

– Не мои, – резко обрываю я.

Пробегаюсь оценивающим взглядом по белой блузке и идеально сидящей на стройных бедрах юбке. Если пацан Алёны, то она совсем не изменилась после родов. Но почему-то мне не верится, что она теперь мама. Это не укладывается в

голове. Даже на уровне ощущений. Но даже если так, то почему мои источники утверждали об обратном? В чем подвох, Костя?

– Рик мой племянник, – поясняю я. – С Вероникой ты уже знакома. А у тебя?

– Что у меня?

– Черный пацаненок с гипсом на руке.

Повисает долгая пауза. Алёна не торопится с ответом. Хотя что такого сложного я спросил? Но она начинает сильно нервничать, кусает губы, в глазах снова появляется паника.

– Твой или Ласки? – напираю я. – Очень на тебя похож. Сколько ему? Три?

– Да, почти три, – помедлив, отвечает Алёна, взяв себя в руки.

Неужели мои догадки верны? Вот так поворот.

– Твой или Настин? – повторяю вопрос, который со вчерашнего дня не дает мне покоя.

– А если мой?

– От него родила?

Снова повисает пауза, и смятения на красивом лице становится еще больше. Маска холодности вот-вот окончательно слетит. Челюсти Алёны плотно сжимаются.

– Пацан Слуцкого? – Еще немного, и я выйду из себя.

– Это имеет какое-то значение?

– Имеет.

– А мне кажется, что нет.

– Нет? – завожусь я. – Почему правду было не сказать? Зачем так отвратительно расставаться, причинять боль другому человеку? Я бы в любом случае тебя отпустил, Алёна. По-хорошему к тебе тогда ведь отнесся. Со всей душой. А ты рассталась со мной, как сука, узнав, что от него забеременела? – выливаю на нее свои догадки.

Мои слова летят в цель. Ледяная броня слетает с хладнокровного лица. Глаза Алёны расширяются, и от ее невозмутимости не остается и следа. Не такая стерва, какую из себя строишь, да?

Но я и сам сейчас новый удар под дых получил, сложив пазлы в своей голове, когда увидел ее реакцию.

– Надеюсь, после этой новости тащить на дно не возникнет желания? У меня ребенок на руках.

Как такового подтверждения или опровержения своих слов я не слышу.

– Ну почему же, – хочу «дожать» Алёну. – Наш общий знакомый из тюрьмы вряд ли выйдет. Мы оба это прекрасно понимаем. Ты поэтому и сменила фамилию? Тебя прессовали из-за его долгов и проблем? Или в чем причина? А салон случайно не Гончарову продала? Как-то я просил Костю узнать, как у тебя дела. Справки он навел, но про то, что ты стала мамой, и слова не было озвучено. С документами Белова я тоже вчера ознакомился. Суммы по трем ранее открытым секциям внушительные прошли. Мне дальше-то копать? Может, еще что интересное всплывет? Или сама расскажешь?

Алёна делает шаг в сторону, но я не даю ей пройти, опять преграждая путь.

– Нечего мне тебе рассказывать. В моей жизни всё замечательно, меня никто не прессовал и не прессует. Гончаров помог с продажей салона. Это я попросила его ничего не говорить, если ты вдруг когда-нибудь обо мне спросишь. Про своих детей, мужей и любовников я не обязана ни перед кем отчитываться. Занимаюсь любимым делом, воспитываю ребенка и не лезу в чужую жизнь. Чего и тебе желаю. Со следующего месяца с людьми из вашего фонда, в том числе и с тобой, будет работать моя помощница. Всего доброго.

– Доброго? – Я останавливаю Алёну, беря за локоть. – По-твоему, так оно выглядит? А мне казалось, иначе.

– Мне больно, Янис Артурович, – с выражением говорит Алёна и переводит глаза на руку, которой я сжимаю ее кожу.

Отпускаю Шипиеву. Или Ковалёву. Никак не могу привыкнуть к ее новой фамилии. Провожаю Алёну долгим взглядом. Нет, в голове не укладывается, что она мама мальчика. Действительно родила от этой мрази ребенка?

Тру ладонью подбородок и лезу в карман брюк за телефоном. Гончаров вне зоны доступа сети. Его секретарша говорит, что у Константина Сергеевича срочное совещание. Совещайся, Костя, а я как раз тут порешаю дела и подъеду к тебе на несколько вопросов. Ты охренеешь от полета моих мыслей.

Встретив на парковке Белова с журналисткой, вместе с ними захожу в спортивную школу. Я листаю план, по которому будет сниматься материал для телевидения, и, расположившись на скамейке, делаю пометки в голове, на какие даты внести изменения в распорядок дня.

Помощница твоя будет заниматься проектом, Алёна, да? Помечтай. Сегодня же юристы внесут один ключевой пунктик в договор, и считай, у тебя эксклюзивные условия и больше нет права голоса. Всё для тебя, красавица.

– Вот этот кусок видео хочу, чтобы отсняли и добавили для эфира, – говорю я, открывая галерею в телефоне, и показываю Гумшиной, что именно хочу видеть.

Ее брови удивленно ползут вверх.

– Красиво. Но зачем? – недоумевает Варвара.

– Мы же финансируем эти секции? – отвечаю вопросом на вопрос. – Значит, наше желание – закон.

В данном случае – мое. Давно хотел посмотреть вживую, как Алёна кружится на катке. Поворачиваю голову и, заметив Шипиеву-Ковалёву на льду в компании детей, отвлекаюсь и не свожу с нее глаз. Красивая. Стройная. Притягательная.

Наркотик, одним словом.

– Хорошо, – задумчиво тянет Гумшина и тоже переводит взгляд на Алёну. – Может, вы и правы, Янис Артурович. Девушка славная. Смотреться будет эффектно в кадре. К тому же бывшая фигуристка. Я сейчас к ней подойду. Как раз и отснимем, пока она на льду с детьми. Да?

– Да.

«Попытайте счастья, Варвара», – усмехаюсь мысленно. Шипиева из принципа ничего такого делать не станет.

Однако, к моему удивлению, Алёна соглашается. Мастерски выполняет все, о чем я просил Гумшину, но напоследок награждает меня таким взглядом, что ощущаю себя конченым мудаком. Особенно когда Шипиева уходит с катка, держась рукой за живот и прихрамывая на правую ногу.

12 глава

Телефон разрывается на приборной панели, как сумасшедший. Я перевожу звонки на Инну и жду Шипиеву на парковке. Откидываюсь на спинку сиденья и тянусь к сигаретам. Спорт и курение несовместимы. Пора завязывать с пагубной привычкой. Но щелкнув зажигалкой, я затягиваюсь, выпуская струю дыма в окно. Это успокаивает. Ненадолго.

Алёна появляется на горизонте лишь спустя полчаса. Смотрю, как она со спортивной сумкой медленно идет к машине и с кем-то опять разговаривает по телефону. Подходит к серебристому седану и забирается в салон. Долго сидит и уезжать не торопится.

Я тоже.

Даже объяснить не могу, зачем ждал Алёну столько времени. Убедиться, что с ней всё в порядке? Неужели травма ноги дает о себе знать? Видимо, дает. Как и мои периодические мигрени. И какие-то неотпустившие эмоции и чувства, от

которых жжет в груди. Дискомфорт становится чуть тише, когда машина Алёны трогается с места и покидает парковку. Разжав кулаки, смотрю по сторонам, понимая, что дышал через раз все это время. Да-а… С таким успехом лучше и впрямь завязывать с нашими встречами. Добром они не кончатся. Хотя у нас с Алёной разные представления о доброте. Моя явно почеловечнее выглядит.

– Янис Артурович, хорошо, что вы ответили, – быстро тараторит Инна, когда я включаю громкую связь. – Вам звонил отец и просил подъехать к нему. Он сейчас встречается с Вахрушевым по тендеру. Константин Сергеевич тоже перезвонил. Сказал, что будет в офисе до шести, а потом улетает в Новокузнецк.

Поднимаю запястье Смотрю на часы, прикинув в уме, что с отцом и Вахрушевым переговоры затянутся надолго. Вряд ли я успею оказаться в двух местах одновременно. Но по телефону не хочу задавать Косте интересующие меня вопросы. Впрочем, нет никаких гарантий, что получу на них правдивые ответы. Гончаров привык в свою пользу поворачивать любую ситуацию и выходить сухим из воды. А мне бы не хотелось перегибать палку в отношениях с Алёной и тешить свое любопытство за счет ее нервов. Но эта тяга к Шипиевой выше моих моральных сил и нравственных убеждений. Как бы я себя ни сдерживал.

По дороге к отцу набираю Рину, чтобы спросить, как она себя чувствует и нужна ли помощь. Эрик укатил в командировку, оставив жену и ребенка на меня.

Светлая часть нашего семейства упадническим голосом сообщает, что сегодня справится сама, но если есть время и желание повозиться с мелочью, то меня будут рады видеть в стенах гостеприимной квартиры Багдасаровых.

– Хорошо, постараюсь, – отвечаю я и завершаю разговор, снова возвращаясь мыслями к Алёне и проводя параллели.

Она теперь так же возится каждый вечер с ребенком. Трехлетним. От Слуцкого. С ума сойти.

Желание наплевать на встречу с отцом и Вахрушевым становится только сильнее. Я мечтаю посмотреть Косте в глаза, когда спрошу у него про нормальную жизнь Шипиевой.

Избавиться от наваждения не помогают ни скучные переговоры, ни деловые звонки, ни даже тот факт, что в пять сорок семь я поднимаюсь в офис к Гончарову. Все мысли крутятся возле Алёны и нашей сегодняшней встречи. Вчерашняя тоже оставила след в душе. Картинка, как Алёна обнимает и успокаивает маленького черноволосого пацана в гипсе, никак не выходит из головы.

– У себя? – спрашиваю у секретарши, направляясь через приемную к кабинету Гончарова. – Еще не уехал?

– Ждет вас, Янис Артурович.

Я открываю дверь и решительным шагом прохожу через кабинет. Сажусь в кресло.

Костя отрывается от бумаг и смотрит на меня исподлобья. Короткая челка едва прикрывает лоб. Холодный взгляд задерживается на моем лице.

– По какому вопросу? – сухо интересуется он, оценив степень моей летящей к чертям выдержки.

С ней стало значительно лучше за эти годы. Если на горизонте не появляется никаких раздражающих факторов.

– По личному? – пожимаю я плечами.

После чего следует протяжный вздох и губы Константина Сергеевича трогает едва заметная усмешка. Робот, блядь. Вот у кого с годами ничего не меняется. Неудивительно, что Гончаров добился таких заоблачных высот в бизнесе. О чем-то еще, кроме работы, думать не в его правилах.

– Я мысли читать не умею, Янис. – Костя собирает бумаги и закрывает ноутбук. – Но полагаю, что Шипиева?

– Ковалёва, – поправляю я.

– Даже так? – заинтересовано хмыкает он.

– Алёна сказала, что сама попросила тебя говорить, якобы у нее все, как и прежде. Если буду что-то о ней узнавать. Так?

– Так.

– Ну ладно, допустим, это правда. Тогда меня вот что интересует: когда вы так сблизиться успели, а ты в золотую рыбку превратиться, которая исполняет желания других по первому требованию? Что за аттракцион невиданной щедрости? Благотворительностью у нас Дина Сергеевна занимается, а ты, Костя, по другой части и разговоры ведешь иначе.

– Сделал исключение из правил. Стало жалко девчонку.

– В какой момент?

– Когда она тебя встретила.

Внутри поднимается волна ужасающих по своей мощности чувств. Которые рвутся наружу. Костя тоже это замечает и начинает хмуриться.

– Ближе к делу, Янис. Что ты хочешь узнать?

Мысли и картинки об Алёне наконец отпускают. Теперь я представляю перед собой грушу, которую буду пинать вечером, думая, что это Гончаров.

– С документами по смене фамилии ты подсуетился? В базе все подчистую про Алёну снесли или хоть что-то оставили? Стоит копать?

– В базе ничего не сносили. Смена фамилии – простая формальность, чтобы девушку меньше дергали из прошлой жизни. Слуцкий после себя оставил кучу дерьма и руины. Копать можешь, но все равно ничего не найдешь. Я не оставляю улик и выполняю свою работу безупречно.

– А салон она зачем продала?

– У всего в этой жизни есть цена. Ковалёвой срочно потребовались деньги. Она их получила, продав салон. Еще вопросы?

– Это ты Слуцкого посадил? Руками Кириянова?

– Без моей помощи не обошлось, – подтверждает Костя мои догадки.

Бесит его невозмутимый и спокойный тон. До зубовного скрежета. Заставляю себя дышать, сосредоточившись на этом простом действии.

– То есть Алёна, родив от этой падлы сына, к тебе за помощью потом обратилась? Да еще и за моей спиной? В таком случае вывод сам собой напрашивается, Костя. Это ты ее подтолкнул тогда уйти от меня? Шантажировал, да? Никакого салона Слуцкий Алёне не отписывал? Ты подачки ей кидал и мне байки травил, чтобы она, беременная от другого, с моих горизонтов исчезла и у нас в семье не случилось на тот момент новой шумихи, которая поставила бы жирную точку в предвыборной кампании отца?

Гончаров трет рукой подбородок, заросший щетиной.

– Хм… – задумчиво тянет он. – То есть Ковалёва призналась тебе, что родила сына от Слуцкого?

– Ушла от ответа. Но мы оба прекрасно знаем, что с моим сыном ты бы так не поступил. Как и не допустил бы, чтобы он рос безотцовщиной. Пунктик у тебя на этот счет имеется. Поэтому версию, что ребенок мой, я сразу же отмел. А другого мужчины, кроме Слуцкого, на тот момент у Алёны не было.

– Да, пунктик, – тяжело вздыхает Костя. – Правильно ты рассуждаешь, Ян…

– Правильно это, по-твоему, да? Девчонке жизнь ломать в угоду каким-то своим принципам?

Повисает молчание. Гончаров сканирует меня долгим и внимательным взглядом.

– Ян, я в тебя столько души вложил, – начинает Костя вкрадчивым голосом. – Постоянно учил выстраивать логические цепочки. Требовал не рубить с плеча,

держать эмоции под колпаком. Но эти пункты ты исправно проваливал, а я потом платил штрафы, прикрывал тебя от отца, огребая за это, когда твои косяки все равно всплывали. Ну допустим, девушка тебя сильно зацепила, эмоции вызвала своим уходом. Затем сложная операция Эрика, какие-то твои личные переживания по этому поводу и как итог – ты сам в коматозе на больничной койке провалялся пару недель. Но остальные-то три года ты где был? Слушал мои однотипные ответы и тебя все устраивало? Только сейчас возникли ко мне вопросы?

Это называется «брать на понт» и «бросать пыль в глаза». Любимая Костина фишка. Отец не зря доверил ему свою предвыборную кампанию. До сих пор занимает высокие строчки в рейтинге, благодаря подвешенному языку Гончарова и его связям.

– Я тебя прямо спросил: ты Алёну подтолкнул к этому решению? Не надо мне лить в уши воду, отвлекая от главного.

– Прямо отвечаю. Ковалёва сама приняла такое решение. И на твоем месте я бы оставил всё как есть и больше не трогал девушку. У нее своя устоявшаяся жизнь. С чужим для тебя ребенком. У тебя своя. Пересеклись ненадолго в прошлом и разошлись кто куда. Гормоны свои усмири и направь в рабочее русло. На твои плечи сейчас возложена большая ответственность, ты занимаешь кресло руководителя. Поэтому держи себя в руках, – чеканит Костя последние предложения.

– Как ты?

– Как я. У Ковалёвой есть молодой человек. Генрих Нейман. Он из наших. Серьезный мужчина, с такими же намерениями на нее и ее ребенка. Поэтому не надо никому вставлять палки в колеса и ворошить прошлое. Которого уже не изменить.

Еще чуть-чуть, и разум сегодня возьмет отгул, а Костя полетит в Новокузнецк с разбитым лицом.

– Ты, смотрю, для постороннего человека хорошо осведомлен о ее жизни, да?

– Я не интересовался ее жизнью. Но с Иващенко мы с теперь ведем переговоры, а Генрих представляет его интересы в Москве. Нейман прилетает на координационные совещания раз в две недели. На одном из корпоративов я увидел их с Ковалёвой вместе. Отличная пара. Буду рад, если у них все сложится.

– Ясно, Костя. – Я поднимаюсь на ноги, глядя на часы.

Уложились в десять минут. Но если сейчас не уйти, то наш разговор закончится очень печально. Ударить Костю – все равно что поднять руку на отца. А мне бы этого не хотелось.

– Что тебе ясно? – летит в спину.

Я поворачиваюсь, прожигая Гончарова взглядом.

– Душу ты в меня вложил, да, Константин Сергеевич? Как в сына своего, к которому теперь на могилу ходишь?

У робота тоже есть слабые места. Я знаю все до единого. Костя ожидаемо меняется в лице, когда напоминаю про Кирилла.

– Другого от тебя и не ожидал. – Он отрицательно покачивает головой, в глазах появляется ярость. – Оставь девушку в покое, Ян. Сломаешь. С Нейманом ей будет спокойнее и проще, чем с тобой. Хватит подкармливать свои эмоции и искать с ней встреч. Научись себя контролировать. Это мой тебе совет.

– Блядь, мне тебе уебать сейчас охота за все твои слова и хладнокровие.

– И мне. Потому что я заебался разруливать твою бурную деятельность. Ты порой берегов не видишь. Совсем. Как что-то вдолбишь в свою отшибленную голову, и намертво. Какого хера опять в спорт вернулся? Адреналина в жизни не хватает? А о девчонке забудь. Она тебя к себе не подпустит.

– Я теперь еще сильнее хочу знать, Костя, в чем твой интерес к Ковалёвой. Явно не в автомобильном салоне, который вдруг оказался у нас на балансе. Ты никогда и ничего не делаешь просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/doronina_slava/nezabytye-chuvstva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити